

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ю. К. НЕКРАСОВ

**РЕФОРМАЦИЯ
И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ XVI В.
РАННЕБУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**

**(ИСТОРИОГРАФИЯ, ПРИЧИНЫ И
ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ)**

Учебное пособие

ВОЛОГДА
1984

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ю. К. НЕКРАСОВ

**РЕФОРМАЦИЯ
И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ XVI В.
КАК РАННЕБУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(ИСТОРИОГРАФИЯ, ПРИЧИНЫ И
ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ)**

Учебное пособие

ВОЛОГДА
1984

В учебном пособии доктора исторических наук Ю. К. Некрасова «Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции)» рассматривается теория ранней буржуазной революции в марксистской историографии, точки зрения на Реформацию и Крестьянскую войну буржуазных ученых (особенно концепция революции «простого человека»). В пособии дается краткая характеристика источников, уделяется значительное внимание установлению причин и предпосылок революции. В этой связи автор изучает феодальную реакцию в немецкой деревне конца XV — начала XVI вв., возникновение и развитие капиталистических отношений в общественном производстве, политический строй и эволюцию социальной структуры общества, процесс зарождения новой идеологии. Завершает пособие раздел, посвященный основным типам народных движений накануне Реформации.

Пособие рассчитано на студентов исторических факультетов, учителей истории и всех, кто интересуется историей западноевропейского средневековья.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. Е. Майер*,
кандидат исторических наук, доцент *С. А. Фараджева*.

ВВЕДЕНИЕ

XVI в. занимает особое место в истории стран Западной Европы. В этом столетии произошли первые классовые битвы, которые были направлены на ниспровержение феодального правопорядка. Во второй половине XVI в. победила буржуазная революция на севере Нидерландов, в середине следующего — в Англии. Обе революции были совершены под знаменем реформационной доктрины Жана Кальвина, которая стала идеологией революционно настроенной европейской буржуазии того времени¹. Однако родной Реформации, сыгравшей выдающуюся роль в переходную от феодализма к капитализму эпоху, явились германские земли, где и была предпринята первая, правда неудавшаяся, попытка штурма бастионов феодализма. Достижения марксистской историографии, особенно двух последних десятилетий, подтверждают такую трактовку событий Реформации и Крестьянской войны в германских землях XVI в. Вопрос, однако, состоит в том, как рассматривается данная тема в учебниках и изданиях, которыми пользуются студенты исторических факультетов высших учебных заведений нашей страны.

Автор соответствующего раздела университетского учебника по истории средних веков М. М. Смирин отмечает факт развития в первые десятилетия XVI в. в немецких городах, возникших еще в XV в., элементов капиталистического производства в текстильной и металлообрабатывающей промышленности, типографском и горном деле, где оно приобрело черты рассеянной и даже централизованной мануфактуры. Одновременно М. М. Смирин подчеркивает, что феодальная реакция, находившая выражение прежде всего в практике массового перевода феодалами

крестьян в крепостное состояние, тормозила «распространение в стране зарождавшихся элементов капиталистического производства». Другим препятствием на этом пути была политическая раздробленность. М. М. Смирин же вполне правомерно связывает гуманистическое движение в Германии с формированием новой буржуазной идеологии. Начавшуюся Реформацию автор трактует, в силу особенностей экономического, социального и политического развития германских земель, как первую крупную битву против феодализма в Европе. Он пишет об одном из авторов знаменитой Хейльбронской программы и «видном деятеле умеренной бюргерской оппозиции» Венделе Гиплере, что тот мечтал о «буржуазном преобразовании Германии не путем союза с крестьянством и полного устранения феодального гнета, а путем сближения бюргерства с рыцарством и приспособления к интересам бюргерско-рыцарского союза крестьянского движения». Что касается Хейльбронской программы, то она, предусматривая ряд буржуазных преобразований и государственную централизацию, «являлась для того времени прогрессивным документом». В целом М. М. Смирин рассматривает Крестьянскую войну с Реформацией как «первый этап буржуазной революции в Европе»². С такой трактовкой реформационного движения и событий Крестьянской войны вполне можно согласиться, хотя аргументацию «буржуазного» содержания эпохи, особенно Реформации, следовало бы существенным образом усилить.

В действовавшем на протяжении многих лет учебнике для истфаков пединститута сказано, что в Германии конца XV — начала XVI в. «в основном в промышленности продолжала господствовать еще цеховая система. Но в горном деле в связи с переходом на эксплуатацию более глубоких шахт все более стала распространяться мануфактура». Такие же явления наблюдались в различных отраслях текстильной промышленности. Автор учебника В. Ф. Семенов также отмечает, что «классовые отношения в Германии начала XVI в. отличались большой сложностью. Они уже перестали быть чисто феодальными. Рост капиталистических элементов был очевидным». Он же указывает на факт превращения бюргерства в буржуазию, которая, однако, еще не сложилась как класс. Реформация рассматривается им только как революционное движение,

направленное против католической церкви. В Крестьянской войне он видит «широкое, массовое народное движение, распространившееся на большую часть территории Германии и грозившее ниспровергнуть все устои старого феодального социально-политического строя». По мнению В. Ф. Семенова, буржуазный характер Хейльбронской программы очевиден, хотя ревизия ею демократических требований 12 статей не позволила осуществить эту программу на практике. В то же время на основании последних абзацев раздела «Крестьянская война»³ можно заключить, что автор учебника в целом не рассматривает Реформацию и Крестьянскую войну как раннебуржуазную революцию.

Новое издание учебника для пединститутов вносит существенный корректив в трактовку исторического развития германских земель в позднее средневековье, что отразило успехи современной историографии. Автор раздела «Германия в конце XV — начале XVII вв.» Н. Ф. Колесницкий пишет, что «по уровню экономического развития в этот период Германия уступала только Нидерландам и Англии. Хотя в деревне и городе господствовали еще феодальные формы производства, в ряде отраслей промышленности начали уже распространяться элементы капиталистических отношений. В текстильное, металлообрабатывающее и металлургическое производства проникал торговоростовщический капитал. Купцы-предприниматели финансировали мелких ремесленников, снабжали их сырьем и сбывали готовую продукцию. Так складывалась рассеянная мануфактура...» В этих условиях «наряду с основным антагонизмом — борьбой крестьян с феодалами — начали проявляться конфликты между новыми общественными силами в лице зарождающейся буржуазии и господствующей феодальной системой». По его же словам, «движение за реформу католической церкви приобрело в XVI в. общеевропейский характер и нашло поддержку в разных слоях населения». Рассказывая о расколе лагеря лютеровской реформации, Н. Ф. Колесницкий отмечает, что «Карлштадт и его сторонники, выражая интересы радикальных элементов бюргерства, понимали Реформацию как широкое социальное преобразование, не ограниченное рамками церковной реформы». Крестьянскую войну он называет «кульминационным пунктом общественного движения эпохи Реформации в Германии». Н. Ф. Колесницкий указывает

также, что Хейльбронская программа «намечала ряд буржуазных преобразований и прежде всего была направлена на централизацию Германского государства. Для своего времени она была прогрессивной». Он также подчеркивает, что «в условиях острых социальных противоречий, связанных с зарождением капиталистических отношений в территориально раздробленной стране и с усилением феодальной эксплуатации в деревне, вызванной разгулом сеньориальной реакции, движение Реформации в Германии стало первой крупной битвой против феодализма в Европе. В историографии ГДР Реформация и Крестьянская война трактуется как ранняя буржуазная революция. Это мнение разделяет ряд советских историков»⁴. Сам автор данного раздела учебника не высказывает в достаточной мере определенно собственного мнения.

В школьном учебнике по истории средних веков (авторы — Е. В. Агибалова и Г. М. Донской) в разделе «Реформация в Европе. Крестьянская война в Германии» указано на факт зарождения капиталистических отношений в горном деле и текстильном производстве, что, однако, не привело к зарождению буржуазии. Поэтому о буржуазном содержании Реформации не сказано ни слова, хотя во время Крестьянской войны «борьбу крестьян пытались использовать и богатые горожане, чтобы объединить страну. Они выдвинули свои требования: усиление власти императора, введение во всей Германии единой монеты, отмена пошлин внутри страны. Все это должно было содействовать развитию торговли. Но о крестьянах городские богачи не заботились; они предлагали им выкупить свои повинности за деньги»⁵. Отсюда можно сделать вывод, что положения учебника не соответствуют состоянию современной марксистской исторической науки.

Таким образом, если университетский учебник по истории средних веков трактует Реформацию и Крестьянскую войну в Германии как раннебуржуазную революцию, последнее издание учебника для пединститутов все же содержит признание, что Реформация стала «первой крупной битвой против феодализма в Европе», то учебник для средней школы излагает традиционную и сегодня устаревшую точку зрения, которая не соответствует состоянию современной исторической науки. Марксистская концепция Реформации и Крестьянской войны в Германии как ранне-

буржуазной революции нашла отражение и в других изданиях последних десятилетий.

Прежде всего это относится к «Всемирной истории» и «Германской истории в новое и новейшее время» (автор соответствующих разделов в обоих изданиях М. М. Смирин). В первом из них, пожалуй, впервые в такого рода изданиях в нашей стране сформулировано положение о том, что Великая крестьянская война образует «вместе со всем общественным движением эпохи Реформации первый акт буржуазной революции в Европе», и приведены свидетельства зарождения буржуазных отношений в производстве и общественной жизни. В то же время М. М. Смирин видит в Гиплере «проводника политики подчинения крестьянского движения чуждым ему интересам» и дает весьма сдержанную оценку Хейльбронской программе⁶. Здесь «буржуазное» содержание Реформации и Крестьянской войны скорее постулируется, чем носит характер научного доказательства. Во втором издании такой аргументации уделено значительно большее внимание: автор показывает, что развитие капиталистических отношений вступило в непримиримое противоречие со всеми устоями феодального общества; в характеристике 12 статей швабских крестьян он подчеркивает их связь с цвинглианской реформационной доктриной и делает вывод, что, «несмотря на умеренный тон», она «получила значение программы антифеодальной борьбы». Правда, в отношении Хейльбронской программы М. М. Смирин, признавая, что она «предусматривала ряд буржуазных преобразований и, главное, государственную централизацию», вместе с тем акцентирует внимание читателя на антикрестьянской направленности этого документа⁷. Такой же оценки Крестьянской войны в целом и Хейльбронской программы в частности он придерживается и в статье в «Советской исторической энциклопедии»⁸. То же самое можно сказать и о его статье в «Большой советской энциклопедии»⁹.

В статье «Реформация» (авторы — А. Н. Чистозвонов и Н. Н. Самохина) последнего издания мы читаем, что «бюргерско-буржуазное направление Реформации было наиболее отчетливо выражено в учениях М. Лютера, У. Цвингли и особенно Ж. Кальвина... Центром и исходным пунктом реформационного движения явилась Германия, которая благодаря особенностям своего социально-

экономического и политического развития стала в первой четверти XVI в. ареной первого акта буржуазной революции в Европе»¹⁰. Эту оценку они дают и в статье «Советской исторической энциклопедии»¹¹.

Итак, на основании рассмотренной литературы можно сделать вывод, что в ней имеют место разногласия в оценке Реформации и Крестьянской войны в Германии. И хотя мнение об этих событиях как раннебуржуазной революции преобладает, аргументацию данного положения следует признать в недостаточной степени убедительной. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ряде случаев как общие оценки Реформации и Крестьянской войны, так и отдельных их эпизодов не всегда соответствуют достижениям современной исторической науки. Поэтому предлагаемое вниманию читателя учебное пособие имеет целью известным образом восполнить данный пробел.

Глава первая.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Марксистская историография о Реформации и Крестьянской войне как раннебуржуазной революции

Еще в одной из ранних своих работ «К критике гегелевской философии права» К. Маркс писал, что «революционное прошлое Германии теоретично, это — *реформация*». Он дал яркую и точную характеристику учения Лютера и назвал Крестьянскую войну «наиболее радикальным событием немецкой истории». Здесь же Маркс впервые сформулировал важное положение исторического материализма о том, что «каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королевской, бюрократ — в борьбе с дворянством, буржуа — в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетариат уже на-

чинает борьбу против буржуа. Буржуазия не дерзает еще сформулировать, со своей точки зрения, мысль об эмансипации, когда развитие социальных условий, а также прогресс политической теории объявляют уже самую эту точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной»¹.

Сформулированный К. Марксом тезис о закономерностях в развитии классовой борьбы переходной от феодализма к капитализму эпохи имеет важное значение и для правильного понимания Реформации и Крестьянской войны в Германии. Но Маркс ничего не говорит о том, что оба эти исторических явления образуют раннебуржуазную революцию. Более того, несколькими годами позже, в конце 1848 г., Маркс писал следующее: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании»². Отсюда, казалось бы, следует вывод, что он вообще исключал Реформацию и Крестьянскую войну из числа классовых битв, которые народные массы под руководством буржуазии вели против феодального строя. Но при этом необходимо иметь в виду, что, во-первых, Маркс говорит о победоносных буржуазных революциях, тогда как народно-буржуазное направление Реформации и Крестьянская война в Германии потерпели поражение; во-вторых, историческая наука того времени не располагала данными, которые позволили бы прийти к выводу о буржуазном характере Реформации и Крестьянской войны; и, наконец, в-третьих, Маркс никогда специально не занимался этой проблемой, сосредоточив внимание на изучении классовой борьбы более позднего времени.

Прошло неполных два года, когда друг и соратник К. Маркса — Ф. Энгельс — обратился к «неладно скроенным, но крепко сшитым фигурам Великой крестьянской войны» в своей известной работе «Крестьянская война в Германии»³. Целью обращения к данной теме было изучение революционного прошлого немецкого народа и одновременно — уроков революции 1848 г. Источниковая база исследования была довольно узкой и в основном ограничивалась недавно увидевшей свет книгой мелкобуржуазного демократа В. Циммермана⁴, который писал о классовых боях 1525 г. не без сочувствия к тяжелому положе-

нию и страданиям народных масс; этим книга Циммермана долгое время выгодно отличалась от трудов других буржуазных авторов и до сих пор занимает особое место в немарксистской историографии Крестьянской войны. Однако историю Крестьянской войны Циммерман понимал довольно примитивно как борьбу между «злом» и «добром» и как, в конечном итоге, победу «зла». Понятно, что такая трактовка событий не могла удовлетворить Энгельса.

В силу указанной выше причины, а именно — неразработанности сложного комплекса знаний о социально-экономическом, политическом и духовном развитии Германии конца XV — начала XVI вв. — Ф. Энгельс в то время не мог еще последовательно изложить научно обоснованную концепцию раннебуржуазной революции. И все же некоторые положения его работы с этой точки зрения представляют большой интерес. Энгельс пишет о том, что деятельность самой революционной партии Томаса Мюнцера носила «преимущественно фантастический отпечаток», поскольку «зачаточный пролетарский элемент» не мог иметь «твердой почвы в тогдашних общественных отношениях». Поэтому ее «стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилем над действительностью». И далее Энгельс формулирует положение принципиальной значимости о том, что в тех исторических условиях «нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были вырождаться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»⁵. Таким образом, борьба самых радикальных сил, действовавших в Реформации и Крестьянской войне и представлявших интересы предпролетарских масс города и деревни, в условиях первой четверти XVI в. могла привести к установлению только буржуазного строя.

Еще более выразительна в этом отношении оценка Ф. Энгельса деятельности Венделя Гиплера и Хейльбронской программы радикально-бюргерской партии во Фран-

конии. По словам Энгельса, «из всех вождей движения Вендель Гиплер правильное всего понимал существующее положение вещей», так как «подобно тому как Мюнцер—в качестве представителя того класса, который стоял вне всяких существовавших до того времени официальных общественных связей и являлся зародышем пролетариата,— возвысился до предчувствия коммунизма, точно так же и Вендель Гиплер, представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*». Он же делает важный вывод о том, что Хейльбронская программа предусматривала «превращение феодальной земельной собственности в буржуазную»⁶. Отсюда следует, что уже в 1850 г. Энгельс обнаруживал в классовой борьбе во время Крестьянской войны вполне определенно выраженные «буржуазные» черты.

По мере роста научной информации и более глубокого изучения темы Ф. Энгельс вносил коррективы в оценки как Реформации и Крестьянской войны⁷, так и народных движений⁸ той эпохи. В 1873—1874 гг. он обратился к изучению трудов буржуазных ученых, прежде всего К. Лампрехта, по истории средневековой Германии. Результаты этих штудий нашли отражение в «Заметках о Германии», в которых Энгельс указал на «специфический богословско-теоретический характер немецкой революции XVI века»⁹. Отметим, что здесь он впервые применил дефиницию «революция» в характеристике немецкой Реформации.

В увидевшем свет в 1880 г. «Развитии социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс писал о «движении анабаптистов и Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии» как о движении, возникшем в условиях борьбы буржуазии с дворянством¹⁰. В 1884 г. Энгельс написал неопубликованные при жизни автора заметки «К Крестьянской войне», где он утверждал, что «реформация — лютеранская и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода», и отметил, что к началу XVI в. «в экономическом отношении Германия (находилась.— Ю. Н.) вполне на уровне современных ей стран»¹¹. В 1892 г. во «Введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Энгельс пришел к выводу о том, что «длительная борьба европейской буржуазии против

феодализма достигла высшей точки в трех крупных решающих битвах». Причем «первой была так называемая протестантская Реформация в Германии», апогеем которой стала «Великая крестьянская война 1525 года»¹². Таким образом, в последние годы жизни Энгельс окончательно убедился в необходимости трактовать события немецкой Реформации и Крестьянской войны как первый акт буржуазной революции в Европе.

Эволюция взглядов Ф. Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну нашла также отражение в его переписке с разными корреспондентами¹³. 23 мая 1884 г. он писал Э. Бернштейну: «Крестьянская война» будет переработана заново... Для этого я очень многое изучил за последние годы, в нее войдет порядочная часть немецкой истории». В ряде писем Энгельс сообщал о своем творческом замысле и мнении по узловым вопросам темы. 31 декабря 1884 г. он писал Ф. Зорге о том, что в новой книге «крестьянская война будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории». В письме К. Каутскому от 15 сентября 1889 г. он высказал мнение о том, что успехи горнорудной промышленности явились «последним толчком, поставившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации». В письме тому же корреспонденту от 1 февраля 1892 г. Энгельс подчеркивал убеждение в том, что «реформация была *буржуазным* движением». 14 июля 1893 г. он же пишет Ф. Мерингу о «неудаче немецкой буржуазной революции XVI века». Корреспонденция Энгельса, позволяющая заглянуть в его творческую лабораторию, показывает, что он, с одной стороны, на протяжении многих лет вынашивал намерение написать новую книгу о Крестьянской войне, с другой — как росло и крепло его убеждение в «буржуазном» характере последней и Реформации. Однако творческий замысел Энгельса так и не был реализован, поскольку этому сначала помешало выполнение других более неотложных задач, в частности напряженная работа над третьим томом «Капитала», а затем оборвала смерть.

На основании рассмотренных выше данных можно сделать вывод, что в результате научного поиска один из основоположников исторического материализма — Ф. Эн-

гельс — впервые в исторической науке сформулировал положение о том, что Реформация и Крестьянская война в Германии были первым актом буржуазных революций XVI—XVIII вв. в Европе. И эту точку зрения Энгельса разделял и В. И. Ленин¹⁴. Так был заложен прочный методический фундамент для обоснования теории раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях.

Однако марксистская историография прошла долгий и трудный путь, прежде чем точка зрения на Реформацию и Крестьянскую войну как раннебуржуазную революцию стала в ней если не общепринятой, то, по крайней мере, преобладающей. Причин тому несколько, главные из них — традиционные представления в историографии об «отсталости» средневековой Германии и трудности гносеологического порядка в исследовании такого сложного исторического явления, как Реформация. Долгое время представления об «убожестве» политического строя Германии без достаточных на то оснований переносились и на ее социально-экономическое развитие, в котором также обнаруживали все признаки «отсталости». С другой стороны, «буржуазное» содержание как Реформации, так и Крестьянской войны отнюдь не лежит на поверхности событий, и его следовало увидеть сквозь толщу средневековых форм. В конечном счете необходимо было доказать, что Реформация и Крестьянская война в Германии были обусловлены всем предшествующим ходом как политического, так и социально-экономического развития и вызваны начавшимся кризисом феодальной социально-экономической формации.

Первой в советской марксистской историографии взялась за решение этой задачи принципиального научного значения В. В. Стоклицкая-Терешкович. Еще в 30-е годы она обратилась к изучению процессов, которые, по ее словам, относятся к «ранним стадиям разложения феодализма», когда в немецком городе «зрели ростки капитализма» и в нем были «уже заметны элементы капиталистических отношений». Она же, однако, подчеркивает, что эти отношения «не преобладают», поскольку «во многих отраслях промышленности еще полностью сохраняется старый феодальный тип экономически самостоятельного производства». В. В. Стоклицкая-Терешкович также установила, что в конце XV в. в «Германии встречаются случаи объедине-

ния под одной кровлей ремесленников всех или почти всех специальностей, участвующих в изготовлении шерстяных тканей»¹⁵. Каждому историку-марксисту ясно, что о Реформации и Крестьянской войне как раннебуржуазной революции можно говорить только в том случае, если удастся показать, что в ходе этих событий в повестку дня был поставлен вопрос об общественном перевороте и смене одной социально-экономической формации другой. Именно это обстоятельство лишний раз подчеркивает научную значимость достижения В. В. Стоклицкой-Терешкович. Она была первым в марксистской историографии ученым, который исследовал предпосылки раннебуржуазной революции в германских землях.

Долгое время, однако, начинание В. В. Стоклицкой-Терешкович продолжало оставаться единственным в нашей историографии. К нему известным образом примыкала лишь монография Ф. Я. Полянского о средневековых западноевропейских цехах, в которой также указано на зарождение капиталистических отношений в немецком городе на примере Кёльна¹⁶. И все же положение радикальным образом изменилось только после двух научных дискуссий 50-х годов: 1) о раннем капитализме¹⁷, поводом для которой послужила книга В. И. Рутенбурга о флорентийских компаниях XIV в.¹⁸; 2) о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии¹⁹. Причем вторая дискуссия была логическим продолжением и развитием первой.

Во время второй дискуссии были высказаны три точки зрения на Реформацию и Крестьянскую войну в Германии: 1) Крестьянская война была обычным для средних веков крупным народным восстанием, а Реформация не шла далее преобразования церковных институтов (О. Г. Чайковская и Ю. М. Григорьян); 2) Реформация и Крестьянская война были «буржуазной революцией без буржуазии» (А. Д. Эпштейн); 3) Реформация и Крестьянская война представляли собою первый акт буржуазной революции в Европе (М. М. Смирин, С. М. Стам и Й. Мацек). Сторонники первой точки зрения указывали на «отсталость» Германии и отсутствие в ней объективных предпосылок для буржуазной революции, второй — на отсутствие в революции буржуазии как основную причину ее поражения, третьей — видели в событиях Реформации и Крестьянской

войны выражение исторической необходимости устранения препятствий на пути развития капитализма. Итоги дискуссии стимулировали исследования по германской истории позднего средневековья, особенно процессов, которые тем или иным образом были связаны с ранним капитализмом.

Правда, крупнейший в Советском Союзе специалист по истории позднесредневековой Германии М. М. Смирин многое сделал еще до дискуссии для изучения положения крестьян в Юго-Западной Германии²⁰, где возникла Крестьянская война; исследовал кардинальные направления классовой борьбы в немецком обществе XV—XVI вв., особенно народную реформацию, которая была связана с деятельностью Мюнцера и его сторонников²¹. Но только после дискуссии он обратился к изучению социально-экономических аспектов раннего капитализма²². В монографии, увидевшей свет в 1969 г., М. М. Смирин на примере горнорудной промышленности германских земель рассмотрел судьбы раннего капитализма и классовой борьбы в основных горнорудных районах. В ней показан сложный и противоречивый путь развития раннекапиталистических отношений, тесная связь раннего капитализма с социально-политическими событиями эпохи, неблагоприятный для прогрессивных сил исход которых во многом предопределил стагнацию темпов капиталистического развития в феодальном обществе. Научная деятельность М. М. Смиринина оказала значительное влияние на марксистскую историографию раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях.

Советскими историками в последние примерно два десятилетия проделана большая работа по изучению различных сторон социально-экономического и политического развития, идеологической борьбы в немецком обществе XV—XVI вв. Их исследованиями установлено возникновение и развитие капиталистических отношений в горном деле (М. М. Смирин, Ю. К. Некрасов, Н. В. Савина и С. А. Фараджева)²³, металлообрабатывающей промышленности (А. Н. Немилев)²⁴, книгопечатном производстве (А. Л. Ястребицкая)²⁵ и некоторых отраслях текстильной промышленности (Ю. К. Некрасов)²⁶. Внимание советских историков привлекла также деятельность крупных южно-немецких компаний и ее связь с явлениями раннего ка-

питализма (А. Д. Эпштейн, М. М. Смирин, Ю. К. Некрасов и Н. В. Савина)²⁷. Они также продолжали изучение аграрной истории, в том числе бюргерского землевладения (В. Е. Майер, В. А. Ермолаев и О. А. Гришина)²⁸. Значительное внимание было уделено гуманизму и возникновению буржуазной идеологии (М. М. Смирин, А. Н. Немилев и В. М. Володарский)²⁹. Существенный вклад был внесен в исследование общественных движений и классовой борьбы во время раннебуржуазной революции (М. М. Смирин, В. Е. Майер, В. А. Ермолаев, Ю. К. Некрасов, В. Г. Павленко, В. В. Первухин, М. Ф. Фагина и Ю. М. Голубкин)³⁰. Марксистско-ленинская методология, которой руководствуются советские историки, позволила им показать необычайное богатство красок, характеризующих развитие производительных сил и социальных противоречий в немецком обществе XV—XVI вв., где явления раннего капитализма переплетаются с чертами феодально-сеньориальных режимов. Эти исследования приблизили марксистскую историческую науку к установлению закономерностей начавшегося с конца XV в. в германских землях перехода от феодальной к буржуазной социально-экономической формации.

Впечатляющих успехов в изучении Реформации и Крестьянской войны за последние два десятилетия достигла марксистская историография ГДР. Причем побудительный импульс к разработке ею концепции раннебуржуазной революции был сообщен дискуссией в Вернигероде в январе 1960 г.³¹. Дискуссия в Вернигероде определила основные задачи работы историков-марксистов ГДР над обоснованием концепции раннебуржуазной революции. После ее окончания конкретно-историческими и теоретическими исследованиями, прежде всего таких ученых республики, как М. Штейнмец, А. Лаубе, М. Бензинг, Э. Хойер, И. Миттенцвай, Г. Щебиц и Г. Фоглер³², были внесены существенные коррективы в научные представления о революционном процессе конца XV — начала XVI вв. и первом этапе буржуазного переворота в германских землях.

Определяя в суммарной форме упомянутый выше научный вклад историков ГДР, необходимо указать на следующее. Марксистская историография республики, продол-

жая изучение причин и предпосылок революции, еще раз подчеркнула тесную связь социально-экономического развития Германии с явлениями раннего капитализма, успехи которого вступали в противоречие с политической раздробленностью страны, господством феодально-княжеских режимов и засилием католической церкви и феодального дворянства. Особые политические условия германских земель делали кризис неизбежным и превратили эти земли в арену первой в истории классовый битвы прогрессивных сил против феодального правопорядка. К числу серьезных достижений историков ГДР следует отнести разработку периодизации раннебуржуазной революции в целом и Крестьянской войны в частности, в основу которой положена мысль о восходящей и нисходящей линиях революционного процесса. Они же, уточняя характеристику расстановки классовых сил во время революции, достаточно убедительно показывают, что феодально-католическому лагерю, с момента распада единого фронта антипапского движения в начале 1520-х годов, противостояли не только лагерь умеренно-бюргерской реформации во главе с М. Лютером и народной реформации (Т. Мюнцер, М. Гайсмайер и анабаптисты), но и радикально-бюргерский (А. Карлштадт, У. Цвингли и ряд других реформаторов), причем в развитии последнего направление особую роль сыграли Швабско-швейцарский район революции и реформационное учение Цвингли. На нисходящей линии развития революции произошло усиление религиозных настроений широких масс и на передний план борьбы с феодализмом выдвинулось движение анабаптистов.

Таким образом, впервые высказанная Ф. Энгельсом еще около ста лет тому назад гипотеза, трактовавшая Реформацию и Крестьянскую войну в Германии как раннебуржуазную революцию и носившая по причине ее конкретно-исторической неразработанности характер научного предвидения, только в последние десятилетия нашла подтверждение в историографической практике. Несмотря на трудности и сложности этого пути, в конечном счете, взяла верх «линия В. И. Рутенбурга», согласно которой капитализм, вырастая из различных форм простого товарного производства в феодальном обществе, неизбежно вступает в противоречие с предшествующими ему формами производства (с чем эта «линия» следует марксистско-ленинско-

му учению о происхождении и сущности капитализма). С другой стороны, события первой четверти XVI в. в германских землях убедительно показывают, что политическая надстройка не только порождена и является производной от экономического базиса, но и способна играть относительно самостоятельную роль. При современном состоянии исторической науки сопоставление уровней социально-экономического развития стран Западной Европы в позднее средневековье — дело весьма ненадежное, хотя сегодня трудно оспаривать точку зрения, что Германия к началу XVI в. в экономическом отношении вряд ли отставала от других стран, в том числе Нидерландов и Англии. Но в Германии раньше чем где-либо политические обстоятельства привели к революционному взрыву в тот момент, когда феодальная социально-экономическая формация еще полностью не исчерпала возможности роста и только вступала в стадию общего кризиса. Последним обстоятельством в значительной мере определялись и объективные причины поражения раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях.

Крестьянская война и Реформация в освещении буржуазной историографии и концепция революции «простого человека»

Буржуазные историографы долгое время игнорировали или отвергали буквально с порога марксистскую точку зрения на Реформацию и Крестьянскую войну как раннебуржуазную революцию. Под Реформацией они понимали только эволюцию религиозных взглядов и историю религиозных идей, в реформационном движении видели только борьбу за «обновление христианского благочестия» и реформу церкви. Теологизация Реформации вела к тому, что буржуазные историки отрицали какую-либо ее связь с Крестьянской войной. Это имело следствием сужение самого горизонта рассмотрения революционных событий 1524—1526 гг., которые они трактовали как обычное для средних веков крестьянское восстание, порожденное местными условиями. Так сложилось традиционное направление, или

«старая школа», в буржуазной историографии Крестьянской войны, которое и сегодня пользуется известным влиянием на Западе и прежде всего в ФРГ. Однако изменение международной обстановки в пользу сил социализма, политика разрядки, рост популярности принципов сосуществования двух общественных систем, успехи марксистской историографии, ярко выразившиеся в теории раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях,— все это побудило некоторых буржуазных идеологов отказаться от прежней тактики по отношению к историкам-марксистам и перейти к научной полемике с ними. Имено в этой обстановке в западной историографии Крестьянской войны возникло новое направление и была сформулирована концепция революции «простого человека» (*der gemeine Mann*). Поэтому есть основания для краткого рассмотрения обоих направлений современной буржуазной историографии Крестьянской войны.

Представителями традиционного направления, или «старой школы», в историографии Крестьянской войны в ФРГ являются Г. Франц, А. Вааз, Г. Ангермайер, В. П. Фухз и Г. Герлах³³.

Наиболее значительной фигурой среди них является Г. Франц³⁴, книга которого о Крестьянской войне выдержала в течение примерно 40 лет десять изданий. Г. Франц утверждает, что Крестьянская война возникла по причине стремления «сильного крестьянского сословия» занять соответствующее его материальному положению место в политической жизни нации. Все крестьянское движение он сводит к двум основным формам: в первой из них он видит борьбу за «старое право», т. е. насущные повседневные интересы крестьянских масс, и относится к этой борьбе с пренебрежением и даже презрением; вторую — связывает с борьбой за «божественное право» и приписывает ей большую «жизненную силу», носителем которой выступала «деревенская знать». Реформацию и Крестьянскую войну Г. Франц рассматривает изолированно друг от друга. Более того, Крестьянская война в его труде изображена как мозаика эпизодов в отдельных районах. В то же время Г. Франц рассматривает крестьянское движение как борьбу за единую империю и «сильное государство». И хотя в каждое новое издание своей книги Г. Франц, учитывая «ветры истории», вносил в изложение материала измене-

ния, они не затронули антимарксистских убеждений автора книги.

Типична для «старой школы» точка зрения на Крестьянскую войну А. Вааза. По его мнению, причиной восстания 1525 г. были скорее идеологические мотивы, чем материальное положение крестьян. Он же утверждает, что движение крестьян с самого начала носило мирный характер и не было направлено на ниспровержение существующего строя. А. Вааз, в отличие от Г. Франца, у которого города участвуют в событиях Крестьянской войны лишь на ее периферии, признает за ними крупную роль в судьбах движения. Но он же вслед за Г. Францем видит в крестьянском движении борьбу за централизованное государство, возникшую, по его убеждению, по причине ущемления политических прав крестьянского сословия. А. Вааз также утверждает, что требования крестьян, выдвинутые во время восстания, не были результатом классовой борьбы. Он энергично заявляет, но также вопреки действительному положению вещей, что движение крестьян не обнаруживает связи и с Реформацией. Характеризуя народных вождей революции, А. Вааз прибегает к грубым инсинуациям и фальсификации фактов. Так, например, Мюнцера он называет «фанатиком и разбойником» и отрицает его влияние на народные массы.

Еще один представитель традиционного направления — Г. Ангермайер — поставил перед собой задачу создать образ «идеального государства», к которому были обращены помыслы «простых людей» во время Крестьянской войны. Он выражает убеждение, что интересам крестьян отвечало сильное централизованное государство. Рассматривая Хейльбронскую программу радикального бюргерства Франконии и «Земское устройство» вождя крестьян и рудокопов Тироля Михаэля Гайсмайера, Г. Ангермайер дает высокую оценку авторам этих проектов общественных преобразований — Гиплеру, Вейгандту и особенно Гайсмайеру. Но тот же Г. Ангермайер выражает неверие в способность народных масс осуществить эти преобразования.

Определенный интерес представляет также рассчитанная на широкий круг читателей книга В. П. Фухза. По его словам, в Крестьянской войне, этом великом социально-политическом движении истории, слилось воедино развитие, которое не было обязано своим происхождением Рефор-

мации, а проистекало из континуитета крестьянских волнений, повсеместно вспыхивающих в Германии на протяжении всех средних веков. Трагедия же германской истории состояла в том, что Лютер своими проповедями оказал большую услугу государственной власти, чем борющимся за свою свободу крестьянам. Следовательно, В. П. Фухз по примеру своих предшественников рассматривает Реформацию и Крестьянскую войну изолированно друг от друга и трактует их с идеалистических позиций.

Особое место среди историков «старой школы» занимает Г. Герлах, который, с одной стороны, повторяет основные положения представителей этой школы; с другой — расходится с ними в трактовке некоторых вопросов и близко стоит к новому направлению в буржуазной историографии Крестьянской войны. Он вслед за А. Ваазом заявляет, что подъем народных движений в Германии в начале XVI в. совпадает с Реформацией лишь по времени. Утверждая, что Крестьянская война по своим движущим силам, поскольку в ней приняли участие не только крестьяне, но и горожане и горняки, выходила за рамки обычных для средневековья восстаний, Г. Герлах в то же время полагает, что она же должна быть поставлена в один ряд с этими восстаниями, в том числе с восстанием Уота Тайлера в Англии, так как ее участники не были в состоянии осуществить широкие государственные преобразования. В отличие от большинства представителей традиционного направления, которые видели в крестьянском движении борьбу за централизованное государство, Г. Герлах утверждает, что крестьяне в 1525 г. вообще не выдвигали политических требований и объясняет это низким уровнем общественного сознания «простых людей».

Итак, для историков традиционного направления характерно отрицание решающего значения экономических причин в происхождении Крестьянской войны, изолированное друг от друга рассмотрение Реформации и Крестьянской войны, признание правомерности только мирных средств борьбы и деревенской верхушки в качестве единственной «творческой силы» движения, неприятие марксистской точки зрения на классовую борьбу. Все историки этого направления, за исключением Г. Герлаха, в то же время трактуют народные движения той эпохи как борьбу за единое немецкое государство. Но все они без исключе-

ния выражают неверие в способность «анонимных масс» претворить эту тенденцию исторического развития в действительность.

Основоположниками нового направления в буржуазной историографии Крестьянской войны и авторами концепции революции «простого человека» выступили Х. Бузцелло (З. Берлин), Д. У. Сейбин (США) и П. Бликле (ФРГ)³⁵. Главой этого направления является П. Бликле. К «группе Бликле» примыкают или близко к ней стоят такие западногерманские историки, как Р. Эндрес, В. Мюллер и П. Бамгарт³⁶.

Первыми основные положения концепции революции «простого человека» сформулировал Х. Бузцелло в книге, увидевшей свет в 1969 г. Рассматривая события Крестьянской войны как движение «простых людей» (т. е. крестьян и ремесленников), Бузцелло в то же время критикует тех историков, которые видят в этом движении борьбу за единое немецкое государство. По его мнению, «простые люди» не обладали уровнем общественного сознания, который позволил бы им выполнить такую задачу. События 1525 г. он трактует как политическую революцию крестьянского сословия и единственную ее движущую силу находит в «деревенской знати». «Простые люди» требовали установления местного самоуправления и упразднения дворянских и клерикальных привилегий, создания крестьянско-бюргерского союза на региональной основе, введения «прямого имперского подчинения» и ограничения власти князей сословно-представительными учреждениями. Однако участники революции, по мнению Х. Бузцелло, не стремились к осуществлению общественного переворота и устранению феодальной системы эксплуатации. Их помыслы были направлены на урегулирование отношений с господами путем переговоров и укрепление городских и деревенских общин. Крестьяне признавали за дворянами права землевладельцев, но не желали больше видеть в них сеньоров. Поэтому они требовали уравнивания с другими сословиями и отмены личного крепостничества. Вопрос о социально-экономических предпосылках революции даже не поставлен Х. Бузцелло.

Выполнение этой задачи взял на себя американский историк Д. У. Сейбин, книга которого вышла в ФРГ в 1972 г. Он на примере Южной Швабии изучил процесс

специализации сельского хозяйства, имущественной и социальной дифференциации населения деревни, связи последней с возникающей в городе капиталистической мануфактурой рассеянного типа и подчеркнул факт «капиталистической эксплуатации» городом деревни. Обращение к этому сюжету имеет целью представить многочисленный отряд деревенских ткачей как пассивный или даже реакционный элемент в революционном движении. Устанавливая факт острых противоречий в деревне между зажиточными крестьянами и беднейшими слоями ее населения, Д. У. Сейбин делает вывод, что Крестьянская война велась в интересах деревенской верхушки и была направлена «против господ и поденщиков». Он же утверждает, что вопреки мнению марксистов крестьяне не стремились к разрушению старых феодальных условий существования, и их требования имели целью проведение некоторых реформ по преимуществу политического характера.

Создание новой в буржуазной историографии концепции революции «простого человека» было завершено П. Бликле, который в 1975 г. издал книгу под выразительным названием «Революция 1525 года». Так же как и Д. У. Сейбин, он придает большое значение дифференциации населения деревни и обращает внимание на отягощения крестьян, проистекавшие из института личного крепостничества. Поэтому Крестьянская война, по мнению П. Бликле, представляла собою попытку разрешения кризиса феодализма путем революционного преобразования общества на почве евангелизма. Движущей силой революции были не только крестьяне (они доминировали лишь на первом ее этапе), а простые люди, т. е. крестьяне, бюргеры княжеских городов, непатрицианское население имперских городов и горняки. Они вели борьбу за осуществление принципов евангелизма, против сеньориального аппарата и за широкую местную автономию. В связи с этим П. Бликле внимательно рассматривает проекты политических преобразований, которые, по его словам, предусматривали создание государственных образований на региональной основе и оставляли открытым вопрос о национальном единстве. Участники революции требовали также укрепления местной автономии, отмены личного крепостничества, реформы церковных десятин и права избрания приходских священников.

В центре внимания В. Мюллера находится вопрос о распространении института личного крепостничества накануне революции и борьба за его отмену в 1525 г. Он показывает, что этот вопрос в ходе революционных событий приобрел значение одного из главных, причем социально-религиозная аргументация требования упразднения всякой несвободы исходила от низшего клира и священников анабаптистской веры. Реализация этого требования была насущной необходимостью и объединяла всех «простых людей». П. Баумгарт обращается к изучению религиозных мотивов деятельности «простых людей». Формально признавая тесную связь реформационного движения с Крестьянской войной, он в то же время ограничивает эту связь идеологическим влиянием реформационных доктрин на участников широкого общественного движения. Р. Эндрес основное внимание сосредотачивает на роли и месте городов в революционном процессе. Он указывает на глубокую дифференциацию городского населения и связывает ее с возникновением капиталистических отношений. Р. Эндрес отмечает также принципиальные различия в отношении городов к крестьянскому движению, которое определялось, с одной стороны, их масштабами и юридическими статусами, с другой — интересами различных категорий городского населения.

Подведем итоги освещения Реформации и Крестьянской войны в современной буржуазной историографии.

Известный историк-марксист ГДР М. Штейнмец, обращаясь к характеристике этой историографии, подчеркивает следующие моменты³⁷. Представители традиционного направления в буржуазной историографии и сегодня оспаривают точку зрения на Реформацию и Крестьянскую войну как единое целое, придерживаются в своих взглядах мнения, которое отделяет друг от друга оба эти явления и видит в Реформации только борьбу за обновление христианского благочестия. Попытки теологизации Реформации означают не что иное, как стремление «опровергнуть» закономерности исторических процессов и «отменить историю», которая превращается в орудие божественного промысла. Между тем в условиях общего кризиса капитализма и наступления социализма по всему фронту буржуазными идеологами была выдвинута идея сотрудничества с марксистами. На практике это привело к тому, что неко-

торые буржуазные историки перестали рассматривать Реформацию и Крестьянскую войну обособленно друг от друга. Признавая, что при решении некоторых конкретных вопросов точки зрения историков-марксистов и сторонников концепции революции «простого человека» близки или даже совпадают, М. Штейнмец вместе с тем делает вывод о принципиальных разногласиях между ними. В отличие от марксистов, которые трактуют Реформацию и Крестьянскую войну как социальную революцию, представители нового направления в буржуазной историографии видят в последней только относительно изолированное крестьянское восстание, только средневековую по идейной направленности и требованиям политическую революцию деревенской знати. Историки этого направления искажают или отвергают роль революционного течения в крестьянском движении и, напротив, преувеличивают значение умеренного течения, представляя в конечном счете деревенскую верхушку и зажиточных крестьян единственной движущей силой. Они же приносят в жертву индивидуальным чертам в каждом из районов Крестьянской войны общие ее закономерности. В то же время именно изучение конкретных событий оставляет все меньше оснований для того, чтобы видеть в движении народных масс эпохи Крестьянской войны только умеренный характер, отвергать существование классов и классовой борьбы, отрицать категорию общественных формаций и не принимать во внимание диалектического единства объективного и субъективного факторов в истории.

Отмечая правомерность и научную обоснованность критики М. Штейнмцем современной буржуазной историографии Реформации и Крестьянской войны, укажем вместе с тем на следующее. Сторонники новой концепции, в конечном счете, не выходят за рамки методологических принципов буржуазной исторической науки и идеалистической теории равноправных или многих факторов. Более того, представление в буржуазной историографии о Реформации и Крестьянской войне как революции «простого человека» возникло в результате поисков ею «позитивного ответа» на марксистскую теорию раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях. Но на путях этих поисков ~~западные историки все же испытали на себе влияние марксистской историографии и ввели в научный обо-~~

рот категорию «революция». Правда, они же заменили при этом дефиницию «буржуазная» дефиницией «простой человек» и ограничили сферу ее применения областью политических отношений. В этой «подмене» наиболее ярко себя проявила и антимарксистская направленность данной «новации» в западной историографии Крестьянской войны.

И еще одно важное обстоятельство. Появление новой в западной историографии концепции Реформации и Крестьянской войны явилось выполнением «социального заказа» буржуазного государства и сопровождалось призывами буржуазных политиков и идеологов представить революционное прошлое немецкого народа в «респектабельном виде» с целью защиты западной демократии, т. е. буржуазного строя. Поэтому решение конкретной научной задачи определялось задачами идеологической борьбы с коммунизмом на современном этапе. Именно этим обусловлена и методологическая база «новации» — принципы историзма буржуазного обществоведения и «модной» на Западе школы «социальной истории». С другой стороны, новое направление обнаруживает преемственность и методологическую близость традиционным представлениям в буржуазной исторической науке о Реформации и Крестьянской войне. Для обоих направлений характерна антимарксистская направленность, особенно в трактовке вопросов классовой борьбы.

Источники по истории Реформации и Крестьянской войны

Источники по истории Реформации и Крестьянской войны весьма многообразны и включают, кроме актов, имеющих непосредственное отношение к событиям самой раннебуржуазной революции, также весь комплекс сохранившихся до нашего времени материалов по аграрной истории, по социально-экономической истории городов, ремесла, промышленности и торговли германских земель XV—XVI вв. Лишь изучение всего этого комплекса материалов позволяет установить подлинные причины и предпосылки революции. Однако автор предлагаемого вниманию читателя пособия ограничивает свою задачу кратким рассмотре-

нием источников только по истории Крестьянской войны и отчасти — по истории Реформации.

Эти источники условно можно подразделить на следующие типы: 1) программные документы; 2) публицистические произведения и сочинения реформаторов и деятелей общественного движения; 3) судебно-следственные материалы; 4) нарративные памятники (хроники и корреспонденция очевидцев и участников событий). Каждый из данных типов источников следует рассмотреть отдельно.

1. К первому типу источников относятся программные требования участников движения 1524—1526 гг. Наиболее значительными из них были: «Статейное письмо», 12 статей швабских крестьян, Хейльбронская программа радикального бюргерства во Франконии и «Земское устройство» Михаэля Гайсмайера. Эти документы дают возможность составить представление о движущих силах, социально-политической и идейной направленности различных течений в общественном движении, расстановке классовых сил во время революции и т. д. Каждый из них характеризует определенное направление классовой борьбы.

Широким признанием и большой популярностью не только в Швабии, но и далеко за ее пределами пользовались 12 статей. Сегодня с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что в основу этой программы были положены около 300 жалоб, составленных крестьянскими общинами в Верхней Швабии и переданных на рассмотрение Швабского союза. Программа возникла в районе действий Бальтрингенского отряда и была составлена проповедником-цвинглианцем имперского города Меммингена Кристофом Шаппелером и скорняком-подмастерьем этого же города Себастьяном Лотцером в первых числах марта 1525 г., когда она и была после острой дискуссии одобрена представителями трех крестьянских отрядов Швабского района. 12 статей несколько раз издавались еще во время Крестьянской войны. Эта программа носила умеренный характер, но ее реализация отвечала насущным интересам всей крестьянской массы, что и объясняет ее популярность.

«Статейное письмо», авторами которого были последователи и сторонники Мюнцера, появилось в Шварцвальде еще в конце 1524 или самом начале 1525 г. В отличие от 12 статей оно не содержит конкретных требований, а из-

лагает и обосновывает идею общественного переворота, т. е. устранения феодального строя и установления на его месте строя социальной справедливости. «Статейное письмо» отражало настроения и интересы прежде всего крестьянской бедноты и плебейских городских низов. Но в то же время ярко выраженная антифеодальная направленность этой программы привлекала к ней внимание представителей и иной социально-политической ориентации.

С Хейльбронской программой связано немало историко-графических недоразумений. Она и сегодня вызывает весьма противоречивые и порою исключаящие друг друга оценки как со стороны буржуазных авторов, так и историков-марксистов. Происходит это по нескольким причинам. Во-первых, Хейльбронская программа в отличие, например, от 12 статей не успела стать программным документом в собственном смысле слова, так как не была обсуждена и принята на собрании представителей крестьянских отрядов, т. е. планируемом руководителями движения во Франконии так наз. «Хейльбронском парламенте» — революция потерпела поражение раньше, чем собрался «парламент». Во-вторых, лидеры радикально-бюргерской партии Вендель Гиплер и Фридрих Вейгандт, задавшись целью осуществить крупные политические преобразования в общегосударственных масштабах, с необходимостью должны были поставить вопрос о привлечении на свою сторону не только бюргерства и крестьянства, но и рыцарской оппозиции и выработать проект, который удовлетворил бы всех союзников. В-третьих, проект программы дошел до нас в изложении хрониста Лоренца Фриса³⁸, на основании которого обычно и делаются выводы о программе в целом; между тем эти выводы можно считать научно обоснованными только при условии рассмотрения версии Фриса вместе с другими сопутствующими проекту документами³⁹.

Большой интерес представляет также «Земское устройство», автором которого был вождь тирольских крестьян и горняков Михаэль Гайсмайер⁴⁰. Документ был написан в начале 1526 г., когда Крестьянская война в основных ее районах уже потерпела поражение. Именно этим обстоятельством обусловлен тот факт, что Гайсмайер намерен был ограничить проведение общественных преобразований своей родиной — Тиролем. В определенном смысле являясь последователем учения народной реформации Мюнцера,

Гайсмайер в то же время предложил оригинальный проект общественногo переворота, который отличает большая конкретность и антифеодалная направленность мероприятий, целью которых было достижение социального равенства и справедливости.

В ходе Крестьянской войны было выдвинуто большое число программных требований и проектов локального значения. В качестве примера можно привести «5 статей» (лето 1524 г.) жителей небольшого франконского городка Форххайма⁴¹ или «12 статей» плебейско-бюргерской оппозиции в крупном имперском городе Аугсбурге⁴². Еще более выразительным примером может служить проект радикальной оппозиции в Нердлингене, который предусматривал создание в долине Риза, расположенном на стыке границ Франконии и Швабии, республики и преобразования всего общественногo строя⁴³. Все эти программы не выходили за четко ограниченные границы, но они же при суммарном рассмотрении бросают свет на характер классовой борьбы во время раннебуржуазной революции.

2. Раннебуржуазная революция выступала в «религиозном облачении» и сопровождалась острой идеологической борьбой, которую вели, с одной стороны, сторонники Реформации с феодально-католическим лагерем, с другой, — между собой⁴⁴. Поэтому сочинения представителей различных направлений в реформационном движении — Мартина Лютера, Ульриха Цвингли, Томаса Мюнцера и многих других — занимают видное место среди источников по ее истории. Трактаты и памфлеты реформаторов порою носили программный характер и обнаруживали тесную связь с широким общественным движением. В качестве примеров укажем на «95 тезисов» и «К христианскому дворянству немецкой нации» Лютера, «67 тезисов» Цвингли, «Пражский манифест» Мюнцера и т. д. Большой интерес представляет также политический памфлет «Собранию простогo крестьянства»⁴⁵, написанный анонимным автором в разгар событий Крестьянской войны (апрель 1525 г.) и изданный в мае в Нюрнберге. Памфлет содержит рекомендации руководителям крестьянских отрядов и по существу является попыткой со стороны радикально-бюргерской оппозиции разрешения аграрногo вопроса революции.

3. Подавление революционногo движения сопровождалось жестокими репрессиями феодальных властей по от-

ношению к его участникам. Поэтому сохранившиеся судебно-следственные материалы образуют особый тип источников по истории Реформации и Крестьянской войны. Некоторые из этих материалов еще в прошлом веке были опубликованы Ф. Л. Бауманом⁴⁶. Об их ценности можно заключить хотя бы на основании протоколов допросов Йерга Кнопфа, командира крестьянского отряда в Альгау, в которых отражены планы радикального крыла крестьянского движения в Швабском районе. Для изучения начального этапа движения анабаптистов важна публикация по преимуществу следственных материалов Л. фон Муральтом и В. Шмидтом⁴⁷. Эти материалы бросают свет, в частности, и на отношение анабаптистов к движению крестьян и их требованиям.

4. Нарративные памятники состоят из хроник и переписки прежде всего официальных властей. Авторы хроник или корреспонденты были современниками, очевидцами, а иногда даже и активными участниками событий Реформации и Крестьянской войны. Эти события отражены в многочисленных хрониках⁴⁸, которые подразделяются на «всемирные» и местные (земельные, городские или посвященные специально Крестьянской войне). Каждая из этих двух разновидностей хроник имеет свои отличительные черты.

Из «всемирных хроник» наибольший интерес для историка Крестьянской войны представляет «Хроника, летопись и историческая библия» великого немецкого гуманиста Себастьяна Франка⁴⁹, который хотя и осуждает крестьян за вооруженное восстание, вместе с тем подвергает резкой критике немецких князей за насилия и произвол и выражает искреннее сочувствие тяжелому положению народных масс. Эту линию в освещении Крестьянской войны в Шварском районе продолжает и развивает в «Баварской хронике» Авентин (Иоганн Турмайр).

Весьма своеобразным историографическим явлением были многочисленные местные хроники. Попытаемся это показать на примере хроник, освещающих события Крестьянской войны в Швабском районе.

События Крестьянской войны в этом районе отражены в городских хрониках Иоганенса Кнебеля из Донауверта, Клеменса Зендера и Вильгельма Рема из Аугсбурга, Генриха Хуга из Филлингена, Генриха Рейхинера и анонима из Базеля, анонима из Иберлингена, Иоганнеса Кеслера из

Санкт-Галлена, Валериуса Ансхельма из Берна и Иоганнеса Штумпфа из Цюриха, в трудах одного из идейных вождей феодально-католического лагеря Иоганнеса Кохлея, анонимного автора хроники Кемптенского аббатства, альгауского рыцаря Георга фон Верденштейна, нотарию монастыря св. Блазия в Клетгау Андреаса Летча и анонимного автора хроники графов фон Циммерн. По социальному положению Кнебель, Зендер, Кохлей, Летч, базельский, кемптенский и иберлингенский анонимные авторы были лицами духовного звания или клириками; Хуг, Рейхнер, Кеслер, Ансхельм и Штумпф — выходцами из средних слоев городского населения — бюргерства, Рем — патрициата; Верденштейн — представителем южнонемецкого дворянства. По религиозным убеждениям Кнебель, Зендер, Хуг, Кохлей, Вердштейн, Летч и все анонимные хронисты были католиками, Ансхельм — протестантом лютеровской ориентации, а Рейхнер, Кеслер, Штумпф и Рем — цвинглианской. Оба эти момента — социальный и конфессиональный — имеют важное значение, когда мы используем хроники в качестве источников⁵⁰.

Эпоха раннебуржуазной революции в германских землях сохранила большое эпистолярное наследие, которое также может быть использовано в качестве источника. Примером такого наследия является тайная переписка бургомистра Аугсбурга и представителя «городского сословия» в штаб-квартире Швабского союза в Ульме Ульриха Артцта с различными корреспондентами⁵¹. На основании этой переписки можно сделать важные наблюдения и выводы о расстановке классовых сил, позиции городов и различных слоев их населения во время Крестьянской войны, борьбе двух направлений в крестьянском движении и т. д. Переписка существенным образом уточняет свидетельства источников других типов и приближает границы истинности в познании исторического процесса.

Рассмотрение основных типов источников не оставляет сомнения в возможности всестороннего изучения основных направлений классовой борьбы во время Реформации и Крестьянской войны и формулирование на основании такого изучения выводов, отражающих объективно протекавшие процессы. При этом, правда, необходимо помнить и знать о своеобразии используемых источников и уметь дать им критическую оценку.

В заключение необходимо остановиться на вопросе о русских переводах источников по истории Реформации и Крестьянской войны. Причем, принимая во внимание назначение данного пособия, укажем на материалы как по их истории, так и предыстории.

Прежде всего обратимся к хрестоматиям и практикумам⁵². Помещенные в них переводы документов позволяют составить представление о развитии аграрных отношений в Германии конца XV — начала XVI вв., немецком городе этой эпохи и довольно обстоятельно рассмотреть этапы, борьбу течений и основные программные документы Крестьянской войны. Но в них же отсутствуют материалы о развитии капиталистических отношений в горном деле, книгопечатании, очень лаконичны и мало что дают отрывки из выступлений и произведений реформаторов. В целом предлагаемые вниманию студентов источники, особенно по началу XVI в., не вполне соответствуют состоянию современной исторической науки.

Правда, пособия дополняют другие издания, в значительной мере расширяющие возможности изучения истории Германии эпохи Реформации в вузе. В этой связи следует указать на публикацию источников по истории Реформации в Германии Д. И. Егоровым⁵³, где приведены «Письма темных людей» и переводы некоторых произведений Лютера; «Хрестоматию по социально-экономической истории Европы...» под редакцией В. П. Волгина, в которой в переводе М. П. Лесникова напечатаны несколько документов преимущественно по экономической истории Германии XV—XVI вв. и в переводе того же Д. И. Егорова — по предыстории и истории Крестьянской войны⁵⁴. Оба эти издания содержат интересные материалы, но сами они сейчас стали библиографической редкостью.

Большой интерес представляет публикация В. В. Стоклицкой-Терешкович переводов источников по истории немецкого города XIV—XV вв.⁵⁵, которые позволяют установить возникновение раннекапиталистических отношений в некоторых отраслях средневековой промышленности. Это издание известным образом дополняет публикация Л. Б. Потаниной переводов источников по истории средневекового Франкфурта-на-Майне⁵⁶. Многие дают для изучения истории народных движений в Германии перед Реформацией («святого паломничества» в Никласхаузен в 1476 г.,

заговоров «Башмака» 1492—1517 гг. и восстания «Бедного Конрада» в Бюртемберге в 1513 г.)⁵⁷ и Крестьянской войны во Франкони в 1525 г.⁵⁸ издания сборников документов В. А. Ермолаевым. На основании всех этих материалов возможно выполнение докладов на спецсеминарах, курсовых и дипломных работ.

Для изучения истории немецкого гуманизма, общественной мысли и идеологической борьбы эпохи раннебуржуазной революции большое значение имеет издание трудов Эразма Роттердамского и Ульриха фон Гуттена⁵⁹. Превосходным источником для изучения развития производительных сил в процветавших в германских землях позднего средневековья горном деле и металлургии является трактат гуманиста и инженера Георга Агриколы (Бауэра)⁶⁰. Для изучения культуры немецкого Возрождения и особенно живописи представляет интерес издание творческого наследия Альбрехта Дюрера⁶¹. К сожалению, русскому читателю до сих пор неизвестны в оригинале произведения Томаса Мюнцера, Ульриха Цвингли, Себастьяна Франка и других деятелей эпохи раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях.

Глава вторая.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАНИЕБУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Немецкая деревня в конце XV — начале XVI вв.

Феодальная реакция и обострение социальных противоречий

В аграрном строе средневековой Германии принято выделять три основных типа¹. В Восточной (Заальбской) Германии состояние сельского хозяйства в значительной степени определялось торговлей хлебом ганзейских городов и специализацией сельского хозяйства на производстве зерновых культур. Здесь рано обнаружилась тенденция к созданию крупных помещичьих хозяйств, основанных на барщинном труде. Однако долгое время, примерно до середины XVI в., вся тяжесть феодальной эксплуатации ложилась на плечи не немецких крестьян-колонистов, а туземного населения — славян и прибалтийских народов. Вторым типом аграрного развития были районы Северо-Западной и части Средней Германии — Вестфалия, Саксония и некоторые более мелкие территории. Под влиянием успехов сукноделия в этом регионе большое значение приобрело овцеводство. Здесь широкое распространение получила майерская аренда. Третий тип аграрного развития включал земли немецкого юго-запада, где это развитие приобрело особую направленность, и социальные противоречия в деревне достигают со второй половины XV в. большой остроты.

На немецком юго-западе сложилось феодальное землевладение (сеньория) особого типа. В силу ряда исторических условий здесь не была реализована тенденция к расширению господского домена и не было создано крупных поместий, ведущих самостоятельное хозяйство. Поэтому господствующий класс в обстановке интенсивного развития товарно-денежных отношений стремился найти выход из затруднительного положения за счет наступления на крестьянские хозяйства, которые и составляли основу эконо-

мического строя деревни в этом регионе. Феодалный гнет и эксплуатация нарастали здесь со все возрастающей силой и со второй половины XV в. приобрели характер феодалной реакции.

С целью усиления нажима на крестьянские массы феодалы Юго-Западной Германии в первую очередь стремились укрепить свою собственность на крестьянские наделы и превратить наследственные держания в краткосрочные. Достижение этой цели оказалось возможным только путем превращения крестьян в лично крепостных людей (*Leibeigene*) помещиков. Если во многих территориях Германской империи личное крепостничество исчезло к концу средних веков, то на немецком юго-западе, в Верхней Швабии в том числе, этот институт продолжал сохранять свое значение в монастырских, дворянских и отчасти городских владениях. Причем в Верхней Швабии около 1400 г. не существовало личного крепостничества. Более того, сам этот термин начинает применяться только со второй половины XV в.² Закрепощение крестьян и было наиболее ярким проявлением феодалной реакции, которая привела к резкому ухудшению их положения.

Все крестьяне независимо от их правовых статусов находились в поземельной и судебной зависимости от феодалов. В силу первой формы зависимости они обязаны были в пользу помещиков феодалной рентой в виде барщин, натуральных или денежных платежей. В силу второй формы зависимости они были подсудны сеньору и к тому же вносили различного рода судебные платежи. Также все крестьяне, независимо от правового положения, платили десятины: «большую десятину» с зерновых культур, «малую десятину» с садовых, огородных культур и виноградников, «десятину крови» со скота. Но лично крепостные крестьяне были обязаны к тому же особыми повинностями и платежами. В случае смерти главы семьи они вносили «посмертный побор» (*Todfall*) в виде лучшей головы скота или лучшего платья. Для того чтобы наследник умершего крестьянина получил законные права на держание, он обязан был внести «допускную плату» (*Erschatz*), достигавшую размеров одной или двух годовых рент. К тому же крепостные крестьяне платили «поголовный побор», который зачастую устанавливался по произволу феодала. Личное крепостничество также сильно стесняло и затрудняло

свободу передвижения крестьян и вступления в брачные союзы. «Он не мог,— писал Ф. Энгельс о немецком крестьянине того времени,— ни вступить в брак, ни умереть, без того чтобы господин не получил за это деньги»³. Отсюда становится очевидным, какие последствия для крестьян имела феодальная реакция.

По мнению историка ГДР З. Хойера, основной причиной Крестьянской войны на территории между Шварцвальдом и Лехом, Боденским озером и Дунаем было распространение личного крепостничества и ухудшение правового положения крестьян. В то же время тенденция к крепостническим порядкам распространилась на исходе XV в. к северу от Альп только до Франконии и не проявляла себя в других областях. Обращаясь к характеристике положения крестьян в Тюрингии, Хойер утверждает, что большинство крестьян находилось здесь в поземельной и судебной зависимости, а личное крепостничество не было ярко выражено, так как оно имело место только на юге Тюрингии⁴. Однако результаты исследования советского историка В. А. Ермолаева побуждают выразить сомнения в том, что институт личного крепостничества не распространился на Франконию⁵. Другое дело, что средоточием феодальной реакции действительно был юго-запад Германии, и она же в силу ряда обстоятельств в других германских землях была выражена в «сильно стертых чертах». Во многом это зависело от характера и направления воздействия на деревню товарно-денежных отношений.

✓ Прогрессивная тенденция в развитии сельского хозяйства нашла отражение прежде всего в процессе его специализации. ✓ Как это установил советский историк В. Е. Майер, в Германии уже с XIV в. деревня начинает специализироваться на выращивании различных сельскохозяйственных культур⁶. ✓ В сельском хозяйстве, в первую очередь в прилегающих к городам округах, широкое распространение получают огородничество, садоводство, виноградарство и технические культуры (лен, конопля, шафран, вайда и др.). Это резко повысило уровень товарности сельского хозяйства и укрепило связи деревни с городским рынком. ✓ Специализация вообще имела далеко идущие последствия. Так, экономический профиль сельского хозяйства Тюрингии определяло виноградарство, которое широко было рас-

пространено также в большей части Франконии, долине Рейна и Эльзасе. Другой специальной культурой в Тюрингии была вайда. Крупнейшим центром переработки и торговли вайдой был Эрфурт. Третьей важнейшей отраслью сельского хозяйства Тюрингии являлось овцеводство. Оно не имело аналога ни в английской «модели» раннекапиталистической аренды, ни в испанских крупных феодальных хозяйствах и представляло собою комбинацию различных форм собственности — феодальной, крестьянской, компанейской или городской. В то же время очевиден и тот факт, что большинство стад принадлежало духовным и светским феодалам⁷. В Швабии исключительное значение приобрело садоводство, огородничество, виноградарство и особенно выращивание льна, в Рейнской Германии — овцеводство. Перемены в развитии производительных сил, сопровождавшиеся улучшением агротехники⁸, с необходимостью вели к возникновению новых форм организации производства и изменению социального облика деревни.

Под влиянием роста товарно-денежных отношений усиливается проникновение в деревню городских капиталов. Наибольшую активность на этой стадии социально-экономического развития общества, как показывает пример Тюрингии и других германских земель, проявлял ростовщический капитал. Результатом его проникновения в деревню было распространение практики покупки крестьянских рент⁹. Кредитор «покупал» на свои деньги, которые он давал земледельцу в рост (долг), ренту, поступавшую ему до полной выплаты долга. Но эта выплата не считалась погашением долга. Получатель денег «продавал» ренту. Должник фигурировал в сделке в качестве продавца, кредитор — покупателя. Вначале (еще в XIII в.), когда владельческие права на землю продавца ренты были условием заключения сделки, которая не предполагала возвращения долга, рента могла превратиться в «вечный чинш». В XV—XVI вв. в условиях церковного запрета процентов эта практика приобрела форму покупок рент на определенный срок. В подобного рода практику в Тюрингии были вовлечены различные слои общества. В 1499 г. ландтаг этой земли на заседании в Наумбурге принял постановление, по которому ренты разрешалось покупать сроком только на 2 года, причем кредитный процент не должен

был превышать 6. Какова же природа этой «выкупной ренты» (Wiederkaufzens)?

В отличие от различных форм феодальной ренты, десятин, налогов или других сеньориальных платежей («выкупные чинши» имели в своей основе договорный принцип (контракт). И хотя эти чинши не являлись феодальной рентой, в то же время они препятствовали развитию капиталистического производства. Теперь рядом с феодальной эксплуатацией выступало ростовщичество, которое не было капиталистическим и соответствовало специфическим условиям развитого простого товарного производства. Распространение «выкупных рент» как раз и свидетельствовало о проникновении ростовщического капитала в деревню и о сильной зависимости крестьян от рынка. Эта форма ростовщического капитала в начале XVI в. была распространена в Тюрингии, Швабии и других местах. Об этом, в частности, говорят «тысячи страниц картуляриев и книг протоколов» в Эльзасе. Результатом распространения практики «выкупных чиншей» в деревне в конечном итоге было появление так наз. «сверхценза», т. е. денежных или натуральных платежей, которые крестьяне вносили кроме обычной феодальной ренты, что делало их экономическое положение еще более тяжелым.

Развитие товарно-денежных отношений и вовлечение деревни в сферу их влияния могло иметь и иные последствия. В некоторых отраслях сельского хозяйства возникали зачаточные формы капиталистического производства. В. Е. Майер показывает, что в районах развитого овцеводства арендатор-издольщик на рубеже XV—XVI вв. «становится первым представителем предпринимательского капитала в деревне», что способствовало превращению «первоначальных форм ренты в капиталистическую». Широким применением овцеводами данного типа наемного труда «постепенно подрываются прежние феодальные порядки»¹⁰ и возникают капиталистические производственные отношения. Эта тенденция проявлялась и в других отраслях сельского хозяйства.

Капиталистические элементы, возникшие в сельском хозяйстве и ремесле, начинают свое развитие еще в условиях феодализма. Но известно, что для капитализма необходимо, чтобы товарное производство стало «всеобщей формой». Между тем, как это установил историк ГДР

Х. Харниш на примере Магдебургской равнины¹¹, сельское хозяйство которой специализировалось на производстве товарного хлеба, даже зажиточные крестьяне продавали только 25—40% производимого ими зерна. Но эти же крестьяне широко прибегали к эксплуатации наемной рабочей силы и осуществляли переход своих хозяйств на предпринимательские рельсы. В Магдебурге существовали не только крупные помещичьи хозяйства, но и возникали прототипы свободного наемного труда и развивался процесс коммутации ренты. Такую же картину можно наблюдать в Северной Тюрингии, Мансфельде, Анхальте и Нижней Саксонии. К этому же типу аграрного развития можно отнести «старую Баварию». Во всех этих районах происходит разложение различных форм отработочной ренты и увеличение числа наемных рабочих в сельском хозяйстве. В то же время позиции феодализма продолжали оставаться достаточно прочными и по-прежнему определяли характер производственных отношений, что особенно ярко проявлялось в сохранении в руках помещиков судебных прерогатив.

Изменения в экономическом базисе общества не могли не оказать влияния и на развитие отношений собственности. Накануне раннебуржуазной революции обычным для немецкой деревни явлением стал переход в руки бюргеров значительных площадей, находившихся под огородами и садами. Более того, эти бюргеры-собственники принуждали крестьян, «сидевших» на их землях, заниматься огородничеством, стремясь к извлечению двойной выгоды, так как крестьяне не только платили им ренту, но и производили продукты, которые становились товарами. Такие же отношения складывались в виноградарстве, которое в условиях недостаточно развитого мануфактурного производства стало сферой приложения труда и источником существования для массы безземельных крестьян. Но тенденция превращения феодальной собственности в буржуазную собственность в основном имела место только в сфере экономического влияния значительных городских центров, где любой продукт ремесла и сельского хозяйства на пути от производителя к потребителю приобретал форму товара. Иным было положение на аграрной периферии. Здесь обладание собственностью на землю было связано с феодальными правами и привилегиями¹². Поэтому на

аграрной периферии позиции феодализма по существу продолжали оставаться незабываемыми.

Другой прогрессивной тенденцией в развитии отношений собственности была борьба крестьян за превращение своих наделов в «вечнонаследственные держания». В Тюрингии существовала прослойка зажиточных крестьян, которые фактически превратились в собственников земли и эксплуатировали безземельных жителей деревни. Эти зажиточные крестьяне владели значительными состояниями и были прямыми предшественниками сельской буржуазии¹³. Представляют интерес данные на этот счет и по Верхней Швабии. Здесь крестьянское землевладение в Тетнанге составляло 33%, Миндельхайме — 40%, Альгау — 60—70%. При этом наблюдается закономерность, что доля крестьянского землевладения выше там, где личное крепостничество не играло сколько-нибудь значительной роли. В то же время во владениях крупных монастырских вотчин Шуссенрид, Вейнгартен, Вейсенау, Охзенфус, Рот и др. большая часть крестьянских земель была захвачена помещиками¹⁴. Отсюда становится понятным то значение, которое для крестьян приобрела борьба за землю. Это станет еще более ясным, если мы примем во внимание повсюду наблюдавшуюся и особенно ярко себя проявлявшую на немецком юго-западе тенденцию, которая выражалась в стремлении помещиков превратить земли альменды в свою собственность.

— Итак, социально-экономическое развитие немецкой деревни на рубеже XV—XVI вв. отличалось большой противоречивостью. В. И. Рутенбург отмечает, что «сельское хозяйство Германии ощущало на себе появление капиталистической мануфактуры: для текстильного производства требовалось увеличение сырьевой базы шерсти, льна, конопли». Однако в условиях Германии такой ход развития привел к тому, что «создалось одно из противоречивых явлений немецкой жизни XV — начала XVI вв.: раннекапиталистические отношения породили крепостничество, подъем сельского хозяйства, рост его товарности приносил выгоды феодалам и таким образом укреплял их позиции. Буржуазные отношения в деревне привели к феодальной краткосрочной аренде»¹⁵. С этим мнением трудно не согласиться, хотя, как мы видели выше, проявления феодальной реакции были сильно дифференцированы в масштабах

германских земель и встречали сильное сопротивление со стороны крестьянской массы.

Ремесло, торговля и промышленное производство.

Возникновение и развитие капиталистических отношений

Исключительное значение в германских землях, особенно в экономической жизни, приобрели города. По данным историка-экономиста ФРГ Г. Бехтеля, в XIV—XV вв. население Германии составляло 12—13 млн. человек, из которых только 10—15%, т. е. от 1,25 до 1,75 млн. человек, проживали в 3-х тысячах ее городов. Однако в большинстве своем это были мелкие и мельчайшие городские центры, так как в Германии тогда насчитывалось всего 12—15 действительно крупных по тому времени городов, население которых превышало 10 тыс. жителей; в 15—20 городах проживало 2—10 тыс. жителей, в 150 городах — 1—2 тыс. жителей и население каждого из остальных 2800 городов было менее 1 тыс. жителей¹⁶. Э. Фойгт утверждает, что уже в XIV в. четверть населения Германии проживала в городах¹⁷. Достоверность тех и других данных весьма относительна, и эта статистика скорее отражает тенденцию исторического развития, чем действительное положение вещей.

Более точные данные по Саксонии и Тюрингии приводят К. Блашке и З. Хойер. В Саксонии к середине XVI в. существовало 137 поселений городского типа, в которых проживало всего лишь 138700 человек. По социально-экономической структуре это были торговые, ремесленные, горные или сельскохозяйственные города. Из 20 самых крупных городов Саксонии 6 были торговыми, 4 — горными, 7 — ремесленными и 3 — сельскохозяйственными¹⁸. Большинство из 62 городов Тюрингии были аграрными городами, население которых было занято в сельском хозяйстве и так сильно отягощено феодальными повинностями (чиншами и барщинами), что их экономический строй определяли феодальные производственные отношения. Часть бюргеров по своему положению приближалась здесь к положению феодально зависимых крестьян¹⁹. В. А. Ер-

молаев приводит аналогичные данные о феодальной зависимости части населения франконских городов²⁰.

И все же в большинстве случаев основу экономического строя городов составляли ремесло и торговля. Ремесленники и торговцы обычно были организованы в цехи. Причем если во Франконии эти цехи были неполноправными или вовсе были запрещены, как это случилось в Нюрнберге, то в городах Швабии существовали так наз. «политические цехи», представители которых заседали в магистратах. Наиболее яркими отличительными чертами корпоративного строя ремесла были цеховая монополия и регламентация производства. Однако еще в XV в. цеховая регламентация утратила свои уравнивательные тенденции, а отношения между мастерами и подмастерьями в ряде отраслей производства перестали носить патриархальный характер. Немецкому средневековому городу известно было и так наз. «свободное ремесло». Но экономическим базисом любой формы городского ремесла — цехового, «присяжного» и «свободного» — всегда было мелкотоварное производство, которое с зарождением раннего капитализма вступает в стадию глубокого кризиса.

Из различных форм простого товарного производства в некоторых отраслях промышленности постепенно вырастают примитивные формы капиталистической кооперации и мануфактуры. Причем такая тенденция развития имела место в городском и негородском, цеховом и нецеховом ремесле. Главными очагами раннего капитализма, возникающего в недрах феодальной социально-экономической формации, были горное дело и плавильное производство, металлообрабатывающая промышленность, книгопечатание и различные отрасли текстильной промышленности. Попытаемся кратко рассмотреть возникновение раннекапиталистических форм производства в каждой из этих отраслей.

На первое место по праву следует поставить горнодобывающую промышленность. В германских землях рано, по крайней мере уже с XIII в., в Саксонском Эрцгебирге, Мансфельде и Тироле началась разработка горных богатств и добыча железа, меди, серебра и других металлов. Еще в XIII—XIV вв. добыча руды велась на небольшой глубине товариществами рудокопов (Gewerkschaften). По мере углубления разработок уже в XV в. эти трудовые объединения по существу превратились в капиталистические пред-

приятня, участники (Gewerken) которых инвестировали свои капиталы, приобретали паи и получали по ним прибыль. В том же столетии, особенно в его последние десятилетия, в горнорудной промышленности вполне обозначились два основных направления социальных противоречий, бросающие яркий свет на исторические условия начальной стадии развития капитализма.

Первым направлением были противоречия участников — предпринимателей горных разработок, занимавшихся добычей руды, с феодально-княжеским административным аппаратом, или бергамтом.¹ Дело в том, что недра земли считались регалией князей, которым и принадлежало монопольное право на добычу полезных ископаемых. «Уступая» это право горнорудным товариществам, князья требовали внесения в свою пользу соответствующих платежей: «оброка» или «десятины», т. е. поставки на княжеские плавильни 1/10 или 1/20 доли всей добытой руды; плавильщики (владельцы, собственники или арендаторы плавильных предприятий) обязаны были вносить в казну¹ так наз. «Wechsel», т. е. разницу между рыночной ценой металлов и той ценой, по которой горные товарищества или торговцы обязаны были «продавать» металлы княжескому бергамту. К тому же княжеский бергамт на основании так наз. «дирекционного принципа» осуществлял контроль за производством, нанимал, устанавливал размер заработной платы и увольнял наемных рабочих, сдавал в аренду рудники и т. д.²² Это, в конечном счете, приводило к «феодалному обирательству» горнорудной промышленности, сдерживало инициативу капиталистов-предпринимателей²³ и являлось причиной антифеодалных настроений среди последних. Причем в борьбе против княжеского аппарата горнозаводчики находили поддержку со стороны различных категорий трудящихся, занятых на горнорудных промыслах и в плавильном производстве.

Другим направлением социальных противоречий в горнорудных районах было возникновение и развитие классовой противоположности наемных рабочих и капиталистов-предпринимателей. К началу XVI в. наемный труд широко использовался в плавильном производстве и на подсобных работах (откачке воды и подаче свежего воздуха в забои и шахты, очистке руды и т. д.). Однако добыча руды в это время по большей части осуществлялась

не наемными рабочими в собственном смысле слова, а трудовыми артелями старателей (Lehenschaften), которые получали участки рудника у горных товариществ предпринимателей в своего рода субаренду. Эта категория трудящихся лишь находилась на пути превращения в наемных рабочих²⁴. Различные категории трудящихся, занятые в горных промыслах и плавильном производстве, противостояли не столько капиталистам, сколько княжеским властям, которым принадлежало право приема на работу и увольнения, установления размеров заработной платы, продолжительности рабочего дня и т. д. Оба эти класса (капиталисты и наемные рабочие) только еще вступали на авансцену истории и их объединяла ненависть к феодальному режиму, уничтожение которого объективно было их общей целью.

Развитие горного дела имело исключительное значение. Нам уже известна та высокая оценка, которую давал этой отрасли Ф. Энгельс. Значение горнорудных промыслов было очевидно и современникам. В частности, знаменитый указ Карла V от 13 мая 1524 г. стоимость «золота, серебра, меди, свинца, железа и других металлов», ежегодно добываемых в германских землях, оценивал в 2 млн. гульденов. В том же указе мы читаем, что «многие сотни людей, стар и млад, женщины и дети, не зарабатывали бы своего насущного хлеба иначе, как добычей, разработкой и плавкой (руды)»²⁵. Добыча руды и торговля металлами, по словам богатого нюрнбергского купца и горнопромышленника Кристоф Фюрера, превратились в важнейшую отрасль хозяйства. Он писал о том, что «серебро не находится в таком количестве ни в одной другой земле, кроме священной империи, и все вокруг лежащие христианские и нехристианские страны вынуждены завозить к себе серебро из германских земель»²⁶. Нужно сказать, что эта оценка отражала действительное положение вещей, так как вплоть до притока металлов из Нового Света германские земли производили львиную долю серебра и меди в Европе.¹

Значение горных промыслов состояло и в другом. По мнению историков ГДР З. Хойера и А. Лаубе, экономическими предпосылками раннебуржуазной революции вообще и Крестьянской войны в особенности было развитие капиталистических производственных отношений, в ко-

тором выдающуюся роль играло горное дело, так как его успехи стимулировали, с одной стороны, подъем ремесла и торговли, с другой — структурные изменения в феодальном обществе. Особенно сильным это влияние было в производстве льняных и бумазейных тканей в Верхней Германии, Вестфалии и Лаузице, в сукноделии Гёрлица и Страсбурга, верхненемецком и вестфальском металлообрабатывающем ремесле, в производстве бумаги, книгопечатании и кораблестроении, где преобладали отношения раздач и другие переходные к капиталистическому производству формы²⁷.

Все это так. Но в то же время необходимо иметь в виду, во-первых, что горнорудная промышленность не была единственной отраслью, где капиталистические отношения уже в начале XVI в. достигли достаточно высокого уровня; во-вторых, ошеломивший современников подъем горного дела в германских землях 1470—1530 гг. был достигнут благодаря успехам ряда других отраслей, в которых также зарождались раннекапиталистические производственные отношения.

Под непосредственным влиянием горного дела развивалась металлообрабатывающая промышленность, крупнейшим центром которой стал Нюрнберг. Здесь на почве рано возникшего в некоторых отраслях металлообработки (кузнечном ремесле, производстве панцирей и доспехов и др.) ферлегерства со второй половины XV в. наметился переход от простой кооперации к примитивной форме капиталистической мануфактуры²⁸. Отметим также, что раздатчики-капиталисты металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга одновременно выступали в роли капиталистов-предпринимателей в горном деле Саксонии и крупных торговцев металлами на международных рынках. Этот факт следует отнести к одному из примечательных явлений экономической истории эпохи раннего капитализма.

✓ Раннекапиталистическая форма организации производства получает также широкое распространение в книгопечатании. В издательском деле, производстве книг и торговле сочетались черты как ферлегерства, так и мануфактуры. В конце XV в., к примеру, книгопечатник и книготорговец Антон Кобергер с помощью системы раздач издавал книги в Базеле, Страсбурге, Хагенау и даже Лионе. Он же владел в Нюрнберге типографией с 24 печат-

ными станками, в которой осуществлялось разделение труда более чем по 100 специальностям. Типография Кюбергера по существу являлась централизованной мануфактурой. Успехи развития капиталистических отношений в книгопечатании во многом объясняются тем, что эта отрасль возникла после изобретения Иоганном Гуттенбергом печатного станка вне системы цехового ремесла и фактически не знала цеховых ограничений и регламентации производства²⁹. Значение этой отрасли было исключительным, так как издание большими для того времени тиражами печатных книг способствовало распространению знаний, в том числе технических, и росту грамотности в широких народных массах, что сыграло выдающуюся роль в подготовке кадров для капиталистической промышленности. V

И все же есть основания утверждать, что первостепенное значение для социально-экономического развития германских земель в средние века и судеб раннего капитализма имела работающая на массового потребителя текстильная промышленность. Ее развитие оказывало сильное влияние не только на город, но и деревню. Более того, развитие различных текстильных ремесел и промыслов открывает перспективу изучения вопроса о разделении труда между городом и деревней.

Общественное разделение труда являлось важнейшим условием и предпосылкой возникновения капиталистических отношений в текстильной промышленности. V Производство в ней с течением времени все более и более распадалось на три самостоятельные стадии или фазы технологического процесса: прядение, ткачество и аппретуру тканей, на каждой из которых также проявлялась тенденция к дальнейшему разделению труда и специализации. На завершающей стадии или фазе производства льняных тканей появляются такие фактически самостоятельные его отрасли, как красильная и белильная. Специализация производства неизбежно вела к проникновению в него купеческого капитала, что облегчалось отдаленностью рынков сырья и сбыта. В Швабском текстильном районе в городах Исни, Биберах, Мемминген, Ульм, Аугсбург и др., а также на прилегающих к ним территориях, возникает разделение труда между городом и деревней. Прядение и отчасти ткачество сосредотачивалось в деревнях, ткаче-

ство и аппретура тканей — в городах. √ Деревни производили пряжу и грубые ткани, города — высокосортные ткани и их побелку, крашение и аппретуру, что позволило превратить эти изделия в товары экспортного ремесла. При этом развитие каждой из отраслей текстильной промышленности, а равным образом возникновение в них раннекапиталистических производственных отношений, имело свои особенности.

Традиционной отраслью текстильной промышленности в германских землях было льноткачество, изделия которого получили признание и пользовались спросом на международных рынках (к примеру, на знаменитых Шампанских ярмарках в XIII в.). Льноткачество получило широкое распространение в Швабии, немецкоязычной Швейцарии, в Средней Германии в Саксонии и Лаузице, на западе и северо-западе империи в Вестфалии, Фрисландии и Голландии. С XV в. основной формой организации производства в этой отрасли стали система раздач и различные формы раннекапиталистического предпринимательства³⁰. Магистрат Констанца в одном из своих декретов 1495 г. по существу признал, что раздачи сырья и скупка готовых изделий к концу XV в. превратились в норму экономических отношений в льноткацком производстве³¹. Еще более ярко тенденция перехода в организации льноткацкой промышленности от простой кооперации к первоначальной форме капиталистической мануфактуры с конца того же столетия выражена в соседнем с Констанцем Сен-Галлене³², полотняные изделия которого поставлялись на рынки далеко за пределами германских земель.

Такая же тенденция развития проявлялась и в сукноделии, что в значительной мере определялось его превращением в ряде городов в экспортную отрасль производства. Причем в этой отрасли в большинстве случаев в роли раздатчиков выступали зажиточные цеховые мастера. Источники обычно называют их суконщиками (Tucher). Суконщики раздавали пряжу не только мелким мастерам, но и мастерам, которые сами работали со слугами и подмастерьями. В XIV — первой половине XV вв. суконщикам не удалось превратить мастеров-ткачей в платных работников. Мастера в это время, как правило, еще не были лично связаны с каким-либо раздатчиком, а работали на корпорацию суконщиков³³. Положение радикальным об-

разом изменилось в конце XV — XVI вв. Попытаемся это показать на примере сукноделия Гёрлица³⁴.

Гёрлиц был крупным центром сукноделия, которое возглавляли обладавшие значительными капиталами предприниматели, по преимуществу «чужие» купцы. Последние имели дело в качестве контрагентов с так наз. факторами, рекрутировавшимися из числа гёрлицких суконщиков или торговцев тканями. Последние, собственно говоря, и являлись раздатчиками по отношению к чесальщикам шерсти, валяльщикам и бедным ткачам, работавшим на предпринимателей. Такие отношения определяли структуру суконного производства Гёрлица к началу 70-х годов XV в. С конца этого столетия здесь начался переход к мануфактурному производству. Владельцы крупных состояний, аккумулярованных как в торговле и пивоварении, так и в самом сукноделии, приобретают дома за стенами города, устанавливают в них необходимое оборудование и организуют производство сукон на экспорт. Это были капиталистические мануфактуры с ярко выраженной тенденцией к централизации производства «под одной кровлей» и разделением труда.

Со второй половины XIV в. большое значение в германских землях, особенно в Верхней Швабии, приобрело производство бумази. Переход к производству новой продукции сопровождался рядом технических нововведений. Бумаза ткалась на 4-педальном станке с 4 веретенами, основа была льняная, а уток из хлопка. Потребности массового сбыта привели к механизации наиболее трудоемкого процесса — переработки льна, для которого использовали молотильные мельницы. Как пишет историк-экономист ФРГ В. фон Штромер, массовое производство бумази было возможно лишь при условии предварительного финансирования при помощи системы авансов. Скупщик предоставлял ткачам авансы в денежной форме или в виде хлопка, который должен был погашаться готовой бумазей, иногда поставлял оборудование, информировал о новой технике. Скупщик, цех и городские власти осуществляли контроль за качеством хлопка и бумази, заботились о том, чтобы производилась стандартная, высококачественная продукция, способная выдержать конкуренцию на крупных ярмарках и в экспортной торговле. Штромер полагает, что еще до возникновения хлопчатобумажного производ-

ства отношения раздач существовали в льноткацкой промышленности, так как иначе был невозможен сбыт текстильной продукции на международных рынках³⁵. Это утверждение Штримера нельзя признать бесспорным и доказанным. В то же время очевидно, что исторический опыт развития льноткацкой промышленности был использован в бумазейном производстве, которое со второй половины XV в. обнаруживает тенденцию перехода от системы раздач к мануфактурам рассеянного и смешанного типов.

Особенно большое значение хлопчатобумажная промышленность приобрела в крупном имперском городе Аугсбурге, который превратился в главный центр производства бумазеи не только Швабии, но и всей Германии. В конце XVI в. в Аугсбурге ежегодно производилось 350 тыс. штук (или тюков) различных сортов бумазеи, а в 1610 г. было произведено 475184 штуки. Перед Тридцатилетней войной занятиями ткачеством в бумазейном производстве здесь находили себе пропитание около 6 тыс. ремесленников, число которых после войны составило всего 500³⁶. Для сравнения укажем, что Хемниц, значительный центр бумазейной промышленности Саксонии, производил в начале XVII в. ежегодно всего около 40 тыс. штук тканей³⁷, т. е. почти в 11 раз меньше, чем Аугсбург. Развитие бумазейного производства, как мы увидим ниже, имело далеко идущие социальные последствия.

Капиталистические отношения получили развитие и в шелкоткачестве, наиболее значительным центром которого в Германии был Кельн. Находящиеся в нашем распоряжении источники³⁸ позволяют ясно представить основную тенденцию развития шелкоткацкого производства в этом городе. Уже цеховые уставы 1469—1480 гг. и дополнения к ним по существу признают в качестве нормы раздачи шелка-сырца прядильщицам, пряжи — ткачихам и работу последних на так наз. «главных мастериц». В «Докладе об отрицательных сторонах шелкового производства» (1490—1491 гг.), представленном кельнскому совету Герхардом фон Везелем, речь идет о том, что в женском цехе шелкоткачих только 4 или 6 мастериц, «настолько богатых, что они в состоянии тратить ежегодно от 2 до 3 тысяч гульденов на покупку шелка-сырца, обучают учениц и собственных детей, извлекают отсюда пользу... и занимают положение главных мастериц в цехе». Деятельность

этих главных мастериц, по словам Везеля, привела к тому, что теперь «перед нашими глазами проходят примеры бедняков, принимающихся за прядильную и ткацкую работу, чтобы спасти себя от голода и жажды». Многочисленные прядильщицы и ткачихи уже к концу XV в. фактически превратились в наемных рабочих главных мастериц. Предприятия последних по существу являлись капиталистическими мануфактурами смешанного типа. Примечательно также то, что новые производственные отношения в шелкоткачестве Кёльна возникли в условиях цеховой системы, которая, формально сохраняя вывеску корпоративного ремесла, на самом деле совершила метаморфозу «капиталистического перерождения».

На ранней стадии перехода от феодализма к капитализму, с одной стороны, заглавную роль в экономической жизни играл торгово-ростовщический капитал, с другой,— в возникновении нового уклада выдающееся значение имели сельские промыслы. Купеческому капиталу Верхняя Германия обязана возникновением новой отрасли — бумазейного производства — и невиданным до этого развитием льноткачества. Проникновение этого капитала в промышленность выражалось в ее финансировании посредством кредитов, авансов сырьем или деньгами, что с необходимостью вело к подчинению купцами вовлеченного в сферу влияния капитала ремесленного производства. Именно здесь следует искать начало превращения купеческого капитала в промышленный капитал, протекавшее на первом этапе в форме раздач. Причем зачаточные формы капитализма обычно успешнее пускали корни в деревне, чем в городе, так как в отличие от городских деревенские ремесленники были сильно разобщены и не имели собственных организаций. В бумазейном производстве прядение вообще было сельским промыслом, которым в основном занимались женщины. В крупных городах прядением занималась только городская беднота. Деревенских и городских прядильщиков и особенно прядильщиц эксплуатировали не только богатые купцы, но и зажиточные цеховые мастера. Сельские ремесленники принимали активное участие и в ткацком производстве.

При таком направлении развития город выступал в роли создателя раннекапиталистических форм производства. В то же время мы располагаем примерами и другого ха-

рактера. В сельской округе Ульма, в Лангенау, уже в 1462 г. некоторые богатые деревенские мастера-бумазейщики работали с 30-ю «подручными» — ткачами и прядильщиками³⁹. Другие два примера относятся к Саксонии. В податном кадастре 1528 г. деревни Бокендорф назван малоземельный крестьянин Никель Руэ, который, однако, владел белильной и красильной мастерскими и занимался «доработкой» полотна. В 1533—1536 гг. в одноименной деревне ткач Вайт Фогельзанк, который числился полондельным крестьянином, ежегодно «поставлял» в белильное производство Хемница от 310 до 400 штук полотна (за четыре года это составило 1470 штук), т. е. больше, чем такие городские центры, как Эдеран, Шонау и Митвайде вместе взятые⁴⁰. Во всех приведенных выше случаях в деятельности предпринимательских элементов самой деревни использование системы раздач переплетается с попытками перехода к мануфактурному производству, что особенно ярко подчеркивает значение сельских промыслов в истории раннего капитализма.

Еще одним примером раннекапиталистических отношений может служить производство такой трудоемкой культуры, как вайда, которая в средние века использовалась в качестве красителя тканей. В производстве вайды, как показывает В. Е. Майер, возникло разделение труда между деревней и городом: весь процесс выращивания вайды и приготовления вайдовых мячиков был сосредоточен в деревне, обработка вайдовых мячиков до получения красящего порошка — в городе. Деревня изготовляла полуфабрикат — вайдовые мячики, город — готовую продукцию в виде порошка. Он же делает и другой вывод о том, что обработка сырья, изготовление краски, упаковка и транспортировка ее производились наемными людьми — вайдовыми мастерами, вайдкнехтами, поденщиками и извозчиками. Крупные размеры хозяйства, применение наемной рабочей силы, разделение труда при ручном производстве дает основание Майеру относить это производство к мануфактурному типу⁴¹. Признавая правомерность такой оценки производства вайды, в то же время полагаем, что в нем есть некоторое преувеличение, так как в действительности оно обнаруживает аналогию развитию системы раздач в текстильном ремесле от простой кооперации к рассеянному типу мануфактуры, которая лишь отчасти при-

обрела признаки централизованного капиталистического предприятия. Как подчеркивает З. Хойер, в производстве вайды значительную роль играли мелкие самостоятельные производители из числа малоземельных крестьян⁴². И все же производство вайды выразительно в качестве яркого примера раннекапиталистического развития, которое затронуло не только город, но и деревню. Примечательно также, что основным районом этого производства была Тюрингия с центром в Эрфурте, т. е. там, где развернулась кульминация всей Крестьянской войны⁴³.

Своеобразным показателем успехов развития в германских землях простого товарного производства, а затем и раннекапиталистических отношений, была деятельность крупных южнонемецких компаний⁴⁴. Еще во второй половине XIV в. появилась Большая равенсбургская компания, занимавшаяся, в частности, сбытом немецкого полотна на испанском и других рынках. В первой половине XV в. широкую известность приобрели фирмы Ульриха Имхольца из Констанца, братьев фон Ватт из Сен-Галлена и Дизбаха из Берна, в деятельности которых также на первом месте находилась торговля льняными тканями. С конца XV в. успехи простого товарного производства, первоначального накопления и возникновение капиталистического уклада открыли перед предприимчивыми представителями бюргерства новые, более широкие горизонты деятельности. В верхненемецких землях возникает ряд крупных торгово-ростовщических предприятий, главными резиденциями которых были такие форпосты раннего капитализма, как Нюрнберг и особенно Аугсбург. Наиболее известными из них являлись компании Фуггеров, Вельзеров, Паумгартнеров, Хохштеттеров и Пиммелей.

Деятельность крупных компаний носила противоречивый характер. С одной стороны, эти компании занимались не только торговлей товарами, ростовщичеством и банковско-судными операциями, но и активно содействовали созданию системы раздачи и примитивной формы мануфактуры в текстильной промышленности, переходили от откупных операций к капиталистическому предпринимательству в горном деле, инвестируя денежные средства на приобретение паев горнорудных товариществ, строительство кузниц, плавильных и технических сооружений, особенно дорогостоящих механизмов для подачи свежего воздуха

и стачки воды из забоев и шахт. С другой стороны, владельцы этих компаний были монополистами. Они, используя большую нужду в деньгах Габсбургов и других княжеских домов, приобретали феодально-регальные права, подавляя своих конкурентов не только экономическими средствами, но и путем внеэкономического принуждения. Тем самым компании-монополисты наносили большой ущерб силам прогресса и препятствовали свободному развитию капитализма. Общественное мнение к тому же связывало с деятельностью крупных компаний рост цен на товары, особенно первой необходимости, что и нашло отражение в начавшемся в Германии с конца XV в. широком антимонополистическом движении.

Завершая рассмотрение вопроса об экономическом развитии Германии в конце XV — начале XVI вв., приведем сформулированные А. Лаубе положения¹⁵, имеющие существенное теоретическое значение.

✓ А. Лаубе указывает на следующие особенности процесса генезиса капитализма в Германии.

1. Капиталистическое развитие различных регионов германских земель сильно отличалось друг от друга. Центром такого развития были Верхняя Германия, Средненемецкая и Рейнская области. Север и Восток значительно отставали.

2. Самой передовой отраслью народного хозяйства было горное дело, где, однако, господство регального права оказывало отрицательное влияние на производство и создавало препятствия на пути свободного капиталистического развития.

3. В сельском хозяйстве успехи в развитии производительных сил вели не к установлению капиталистических производственных отношений, а к сдерживанию реакционным феодальным дворянством прогрессивных тенденций, с одной стороны, к обострению отношений феодальной эксплуатации — с другой.

4. Развитие капитализма происходило в условиях политической раздробленности германских земель и отсутствия единого национального государства.

В то же время социально-экономические отношения в Германии характеризуют черты, отражающие общие закономерности начальной стадии развития мануфактурного капитализма: а) относительно высокая степень аккумуля-

ции денежного капитала и его проникновение в производство; б) превращение рабочей силы в товар и рост спроса на нее на рынке; в) постепенное вовлечение средств производства, в том числе земли, в рыночное обращение; г) образование элементов внутреннего рынка и его включение в формирующийся мировой рынок.

Таким образом, прогрессивные тенденции в экономическом развитии германских земель встречали на своем пути трудно преодолимые препятствия прежде всего политического порядка. Этим обстоятельством и обусловлен интерес к изучению политического строя Германской империи.

Политический строй и эволюция социальной структуры общества. Кризис феодальных сословий и появление новых классов

Раздробленность Германии была подготовлена ее предшествующим развитием⁴⁶ и определила ее перспективы и политические судьбы на несколько столетий⁴⁷. Германские земли входили в состав Священной Римской империи, которая к началу XVI в. была скорее географическим понятием, чем политическим образованием. Внутреннее положение в империи было противоположно положению в Англии и Франции, прочно вставшим на путь централизации и создания национальных государств. В 1438 г. императорская корона перешла к династии Габсбургов. К началу Реформации в их владения входили, кроме собственно германских и австрийских территорий, Бургундия (Франш-Конте), Нидерланды и огромные заморские колонии. Однако в самой Германии Габсбурги фактически не располагали аппаратом исполнительной власти и могли полагаться на ресурсы только своего княжеского дома. Время от времени созывавшиеся рейхстаги по существу были не сословно-представительными учреждениями, а собранием «имперских чинов». Решения рейхстагов не обладали законодательной силой, а носили характер рекомендаций, которые князья и имперские города принимали только в том случае, когда они отвечали их собственным интересам. Реальная власть

на местах все более и более сосредотачивалась в руках суверенов территориальных государственных образований и ландтагов⁴⁸, которые по своему назначению и политическим функциям были гораздо ближе рейхстагов к английскому парламенту или французским Генеральным штатам.

Положение усугублялось зависимостью Германии от римской курии и безраздельным господством в стране католической церкви. Габсбурги проводили универсалистскую политику и вынашивали неосуществимые на практике планы создания «всемирной христианской монархии». В проведении этой политики они видели союзника в католической церкви, которая не только идеологически обосновывала такого рода притязания, но и использовала все свое влияние ради достижения этой цели. В ответ на это Габсбурги поддерживали неимоверные, прежде всего финансовые, претензии римской курии, сводившиеся, в конечном счете, к прямому обирательству немецкого и других народов империи. По вполне понятным причинам такая политика встречала все возрастающее сопротивление со стороны различных слоев общества.

В условиях назревавшего революционного кризиса некоторые группировки господствующего класса предпринимали шаги, направленные к поискам путей выхода из создавшегося положения. Однако попытка проведения в 80-е годы XV в. имперских реформ закончилась полным провалом: князья не пожелали добровольно уступить в пользу центральной власти ни одной из своих политических прерогатив. Это еще более усилило необходимость создания карательной организации, которая повела бы борьбу с революционным движением. И такая организация была создана 14 февраля 1488 г., когда рыцари ордена св. Георга, прелаты церкви, графы и сеньоры, а также ряд швабских городов объединились в Швабском союзе. Особую роль при этом сыграли Габсбурги, которые намерены были направить Швабский союз против Баварии и Швейцарии. Однако уже вскоре политическая ориентация союза резко изменилась в связи с вступлением в него некоторых крупных князей, в том числе заклятых врагов Габсбургов — баварских герцогов из рода Виттельсбахов. Уже отсюда становится очевидным, что внутренняя политика Габсбургов ничем принципиально не отличалась от политики других

владельцев немецких князей. Княжескому мелкодержавию в Германии противостояла в лице Габсбургов не центральная власть, а средневековый сюзерен, которого князья в лучшем случае признавали «первым среди равных».

В то же время Швабский союз, возникший в том регионе германских земель, где наиболее остро проявлялись классовые противоречия, с самого начала существования исправно выполнял свою социальную функцию. Швабский союз в первую очередь был организацией господствующего класса и защитником его интересов. Уже осенью 1491 г., когда кемптенские крестьяне поднялись против феодального гнета со стороны своего сеньора — кемптенского аббата, Швабский союз выступил в роли силы порядка, пришел на помощь аббату и потопил в крови крестьянское восстание. Эти события были прелюдией к той злой роле, которую Швабский союз сыграл в качестве палача народных масс во время Крестьянской войны.¹

Неблагополучное политическое положение империи накладывало отпечаток и на социальную структуру немецкого общества. Блестящую характеристику социального строя этого общества дал в «Крестьянской войне в Германии» Ф. Энгельс⁴⁹. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы уточнить и в некоторых случаях конкретизировать данную Энгельсом характеристику, привести ее в соответствие с достижениями современной марксистской историографии.

Двумя основными антагонистическими классами Германии к началу XVI в. продолжали оставаться феодальное землевладельческое и зависимое и крепостное крестьянство. Однако социальная структура феодального общества в Западной Европе, в Германии в том числе, носила сословный характер. Это вполне сознавали и современники. Франк писал в знаменитой «Исторической библии», что двумя первыми «благородными сословиями» называют духовенство и дворянство, «третье сословие — это бюргеры, или городские жители», «трудящийся в поте лица народ: крестьяне, угольщики, пастухи и т. д. — это четвертое сословие»⁵⁰. Таким образом, общественные классы в средние века распадались или состояли из сословий: в состав господствующего класса входили два сословия — первое сословие духовенства и второе — светского дворянства. Третье сословие включало всю страждущую часть общества —

горжан и крестьян, или, как это не без основания делает Франк, крестьяне образовывали особое, «четвертое», сословие. Включение в последнее сословие «угольщиков» и «пастухов» отразило факт имущественной и социальной дифференциации деревни.

Первым сословием господствующего класса обычно считалось духовенство, которое, согласно официальной терминологии того времени, подразделялось на «белое» и «черное». Белое духовенство состояло из служителей церкви, которые жили и действовали в «миру», хотя им запрещалось вступать в брак (правило celibата); черное духовенство — это монахи и монахини, проживавшие обычно в монастырях. По своему социальному положению и происхождению духовенство было неоднородным и распадалось на прелатов церкви и плебейскую часть. Прелатами были архиепископы, епископы, кардиналы, аббаты крупнейших монастырей, настоятели кафедральных соборов. Прелатам противостали деревенские и городские священники, монахи и монахини непривилегированных монастырей. Некоторые из прелатов обладали огромными земельными владениями и достигли статуса имперских князей и даже курфюрстов. Если прелаты церкви выступали защитниками существующего правопорядка, рядовые священники и монахи часто были выходцами из простого народа, близко к нему стояли и порою разделяли антифеодальные настроения широких народных масс.

Еще более сложной была социальная структура второго сословия господствующего класса — светского дворянства. Верхушка этого класса состояла из князей-выборщиков, или курфюрстов. В коллегии курфюрстов входили как крупнейшие светские (король чешский, пфальцграф рейнский, герцог саксонский и маркграф бранденбургский), так и духовные (архиепископы майнцкий, кельнский и трирский) князья. Вторую ступень в иерархии занимали имперские князья (герцоги и имперские графы), которые хотя и не заседали в коллегии курфюрстов, обладали всеми правами суверенитета на принадлежавших им территориях. Третья ступень в иерархии принадлежала князьям (графы и часть баронов), у которых формально не было титулов имперских князей, но фактически они имели все права последних. Отметим, что в этой иерархической

структуре верхушки господствующего класса тесным образом переплетались, но не совпадали полностью, интересы крупных духовных и светских феодалов. Дело в том, что светские князья, вставшие на путь создания территориальных государств, с одной стороны, стремились подчинить церковь своей власти, с другой, — с жадностью смотрели на несметные богатства церкви, которой в империи принадлежала по крайней мере треть всех земель. Оба эти обстоятельства порождали острые противоречия между условиями господствующего класса.

По словам Ф. Энгельса, «из феодальной иерархии средневековья почти совершенно исчезло среднее дворянство», так как «одна его часть возвысилась до положения независимых мелких князей, другая — опустилась в ряды низшего дворянства». Оценка перемен, происшедших в положении дворянства, не может быть, однако, однозначной.

Как показал Х. Харниш на примере Магдебурга⁵¹, новая эпоха принесла с собою изменения и в положении дворянства, доходы которого теперь складывались не только из феодальной ренты, но и включали инвестиции в ремесленные предприятия, горно-плавильное производство и ростовничество. Источником доходов дворян могла быть также служба при дворе или в качестве ландскнехтов. Рост цен на сельскохозяйственные продукты также увеличивал доходы помещичьих хозяйств. Помещики с последней четверти XVI в. не только брали деньги в долг у горожан, но и сами ссужали бюргеров деньгами. Эти дворяне, с одной стороны, являлись феодальными землевладельцами и сеньорами, с другой, — переходили к занятиям ростовщичеством, которое приобретало для них все большее значение и позволило им сосредоточить в своих руках значительные денежные средства. Предпринимательские элементы из числа дворян деятельность ростовщиков сочетали с приобретением в качестве закладов целых сеньорий, деревень, наделов, а также десятин и других феодальных рент. Денежные средства, полученные с помощью ростовщичеством и даже предпринимательства, они инвестировали, однако, большей частью в то же феодальное землевладение и строительство замков. Очевидно, такая тенденция развития была характерна и для других германских земель.

В то же время Ф. Энгельс прав, когда говорит о том,

что «*низшее дворянство, рыцарство*, быстрыми шагами шло навстречу своей гибели», поскольку «развитие военного дела, возрастающая роль пехоты, усовершенствование огнестрельного оружия подорвали значение военной службы рыцарей в качестве тяжеловооруженной кавалерии и в то же время уничтожили неприступность их замков». Рыцарство находилось в оппозиции к князьям, прелатам церкви, городскому бюргерству, и оно же жестоко эксплуатировало феодально зависимое крестьянство, что, впрочем, в условиях быстрого развития товарно-денежных отношений не было в состоянии предотвратить сокращение его сеньориальных доходов и даже разорения. Вот почему рыцарство, как показали события, способно было на самые решительные действия. Однако общественным идеалом этого же рыцарства была реставрация средневековой империи с сильной центральной властью и крепостническими порядками, что неизбежно должно было привести его к полному политическому краху.

Господствующий класс в целом в начале XVI в. обнаруживал все признаки кризиса. Прослойка прогрессивных элементов в нем была незначительной, и говорить о «новом дворянстве» в Германии, подобном английскому джентри, можно только с большими оговорками. Феодальное дворянство стремилось сохранить неизменным существующий правопорядок, что и определяло его отношение к начавшемуся с конца XV в. революционному движению.

Большинство населения в германских землях начала XVI в. составляли крестьяне. По своему правовому положению крестьянская масса распадалась на три основные категории: свободных, чиншевиков и лично крепостных. Прослойка свободных крестьян, которые всобще не находились в феодальной зависимости или эта зависимость ограничивалась внесением так наз. «чиншей признания», сохранилась в некоторых кантонах Швейцарии, Тироле, Бадене и Фрисландии. «Вольные» крестьянские общины были представлены в ландтагах, и в этих районах крестьяне фактически обладали сословной полноправностью. Однако прослойка таких крестьян была незначительной и не определяла положения класса в целом. Более широкой прослойкой были чиншевики, т. е. крестьяне, находившиеся в поземельной и обычно судебной зависимости от сеньоров, но считавшиеся лично свободными людьми. Начавшаяся

в XV в. феодальная реакция превратила значительную часть свободных чиншевиков в лично крепостных крестьян, что резко ухудшило их не только правовое, но и экономическое положение. Особенно быстрыми темпами этот процесс развивался на немецком юго-западе, что и объясняет, почему именно здесь возникла Крестьянская война.

Другим фактором, оказывавшим сильное влияние на деревню, было развитие товарно-денежных отношений и возникновение капиталистического уклада. Важным показателем эволюции, к примеру, саксонской деревни в XVI в. стал тот факт, что рост народонаселения в ней сопровождался образованием слоя малоземельных и безземельных крестьян. Это избыточное население находило применение не только в горном деле и ремесленном производстве в городах, но и в деревенских промыслах. Из безземельных и малоземельных жителей деревни рекрутировалась наемная рабочая сила на возникающие капиталистические мануфактуры. По подсчетам Г. Хайца, в 80 саксонских деревнях в 1529—1530 гг. 14% их населения были малоземельными, 39,3% владели только половиной надела, 36,2% — 3/4 надела, всего лишь 10,4% — полным наделом⁵². В некоторых сельских местностях Верхней Швабии накануне Крестьянской войны малоземельные и безземельные составляли около 50% их населения⁵³. Дифференциация деревенского населения свидетельствовала не только об имущественном расслоении, но и возникновении новых классов предпролетариата и ранней сельской буржуазии.

Важнейшим фактором прогрессивных тенденций в социально-экономическом развитии германских земель являлся город — центр ремесла и торговли. Городу немецкое общество было обязано не только успехами товарно-денежных отношений, но и возникновением зачаточных форм капитализма. В то же время средневековый город многими нитями был связан с системой феодализма, которая в значительной степени определяла и его социальный облик.

По численности населения, как нам уже известно, средневековые немецкие города подразделялись на крупные, средние и мелкие, по юридическому статусу — на имперские, или вольные, земские, или княжеские, города, по характеру деятельности основной массы населения — на: 1) «аграрные» города; 2) торгово-ремесленные центры, сфе-

ра влияния которых ограничивалась прилегающими к ним сельскими округами; 3) города экспортного ремесла и торгового; 4) особый тип горных городов. Все эти моменты известным образом находили отражение в социальной структуре городов и ее эволюции. Социально-экономическое развитие обычно совершалось более быстрыми темпами в крупных торгово-ремесленных центрах, особенно экспортного значения, чем в мелких аграрных или полуграрных городах. Впрочем, этому правилу известны и исключения, так как в XV—XVI вв. происходило превращение некоторых сел и деревень в городские центры, население которых занималось производством одного вида продукции — прежде всего текстильных изделий.

Применение дефиниций патрициат — бюргерство — плебейство для социальной характеристики городского населения вполне оправдано, когда речь идет о крупных или средних имперских городах, и вряд ли правомерно по отношению к мелким и отчасти средним городам, находившимся в сеньориальной зависимости. Так, по наблюдениям В. А. Ермолаева, все население франконских городов состояло из: 1) лиц, не находившихся в феодальной зависимости и не несущих никаких феодальных повинностей; 2) лиц, лично свободных, но находящихся в феодальной зависимости ((Höfige) от города или других сеньоров и несущих соответствующие повинности; 3) лиц, находящихся в крепостной зависимости (Leibeigene). Отличие последней категории от второй заключалось главным образом в уплате символических оброков курицами и несением барщины в пользу сеньора. Даже в Ротенбурге большинство ремесленников несло бремя феодальной зависимости, и еще больше эта зависимость выражена в мелких княжеских городах⁵⁴. Такая картина социальной жизни к началу XVI в. уже стала достоянием прошлого для подавляющего большинства городов Швабии, где в полном объеме реализовывался принцип «городской воздух делает вольным».

Патрициат представлял собою верхушечный слой городского населения, который обычно совмещал занятия торговлей и ростовщичеством с участием в управлении городом. Другим отличительным признаком патрициата было участие в феодальном землевладении. Однако монополия патрициата на власть в городе была сильно поколеблена в Швабии и Рейнской Германии в ходе цеховых политиче-

ских переворотов второй половины XIV — начала XV вв., где ему, однако, удалось сохранить значительное влияние на городские дела. Патрициат удержал позиции и власть в своих руках в ганзейских и франконских городах, в том числе и в Нюрнберге. Поэтому противоречия между патрициатом и основной массой городского населения продолжали оставаться фактом реальной действительности.

Средние слои городского населения обычно обозначают термином бюргерство. В эту категорию населения входили самостоятельные ремесленники и торговцы, т. е. собственники средств производства и условий труда. Бюргеры владели ремесленными мастерскими, торговыми лавками, сырьем, изделиями своего ремесла и денежными средствами, что и определяло их правовой статус в качестве свободных и полноправных граждан города. Бюргерство энергично вело борьбу за городские вольности в ходе коммунальных движений, выдвигало требование «дешевой церкви», находилось в острых противоречиях с патрициатом и одновременно противостояло плебейским низам городского населения.

Положение городских низов, или городского плебса, определялось тем, что они в отличие от бюргеров были отделены от средств производства и условий труда и не обладали правами гражданства. Появление данной категории населения являлось продуктом развития еще простого товарного производства и отношений собственности в средневековом городе. По словам Ф. Энгельса, она состояла из: 1) разорившихся горожан; 2) подмастерьев и поденщиков; 3) «многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата, которые встречаются уже на ранних ступенях развития городов». Городской плебс фактически находился вне системы цехового ремесла и в острой оппозиции к существующему строю и любой форме угнетения и эксплуатации.

Нарисованная выше картина социальной жизни вполне укладывается в привычные представления о средневековом городе. Однако на рубеже XV—XVI вв. социальное развитие этого города определялось противоречивыми и даже исключаящими друг друга тенденциями: с одной стороны, город продолжал сохранять достаточно прочные связи с системой феодализма, с другой, — социальная его структура испытывала на себе сильное влияние экономических

перемен, которые были обусловлены в первую очередь возникновением и развитием раннего капитализма. Поэтому необходимо установить место и роль каждой из этих тенденций в социальной истории немецкого города накануне раннебуржуазной революции.

Город продолжал выступать в роли коллективного сеньора по отношению к крестьянам прилегающей к городским стенам округи, причем в эту округу могли входить многие десятки деревень. Патриции, зажиточные и богатые бюргеры владели сверхцезами, крестьянскими наделами, крепостными крестьянами, сеньориальной юрисдикцией, церковными десятинами, деревнями и даже сеньориями. Некоторые из них приобретали дворянские звания и титулы, строили замки и приобщались к «благородному образу жизни». Многие цеховые мастера совмещали ремесло с занятиями сельским хозяйством и имели за городскими стенами огороды, сады, виноградники и даже пахотные поля. При этом они могли вступать в отношения феодальной зависимости от церковных учреждений, сельских дворян или горожан-землевладельцев. И хотя бюргеры обычно не вносили радикальных изменений в сельское хозяйство и аграрный строй, под влиянием интенсивного развития товарно-денежных отношений стихийно протекал процесс превращения феодальной собственности на землю в буржуазную и ее вовлечение в сферу рыночного обращения. Последняя тенденция развития, вполне понятно, встречала сильное противодействие со стороны феодального дворянства.

✓ Со второй половины XV в. в самих городах резко усилились процессы имущественной дифференциации населения. Они находили наиболее яркое выражение в образовании двух полярных категорий населения: немногочисленной прослойки богатых и богатейших бюргеров на одном полюсе и многочисленной категории неимущих и малоимущих жителей города — на другом.

✓ В городах рядом со «старым патрициатом» росла экономически влиятельная прослойка купцов и раннекапиталистических предпринимателей, которая сосредотачивала в своих руках огромные богатства. Так, к примеру, в Аугсбурге в 1396 г. только 15 семейств владели состояниями более 3 тыс. гульденов, в 1475 г. их было уже 78, в 1498 г. — 171 и в 1526 г. — 271 семейство, причем некото-

рые из них в 1526 г. обладали огромными по тем временам состояниями более чем в 100 тыс. гульденов. В Гёрлице в 1443 г. только 6 бюргеров владели состояниями в 500—1000 марок, в 1528 г. таких бюргеров было уже 75, причем 11 из них владели состояниями, превышавшими 5 тыс. марок⁵⁵. Итак, отметим, что со второй половины XV в. крупные состояния бюргерской верхушки возникают не только благодаря ростовщичеству и купеческой деятельности, но и благодаря участию в различных формах раннекапиталистического предпринимательства.

На другом полюсе быстрыми темпами происходил процесс пауперизации городского населения. В городах средних масштабов с развитым ремеслом (Швебиш-Халль, Эслинген, Хейльброн и Мюльхаузен) городские низы в конце XV — начале XVI вв. составляли около 50% населения, одна часть которых владела кое-каким имуществом, у другой — оно полностью отсутствовало. В крупных городах, как это видно на примере податного кадастра 1475 г. в Аугсбурге, городская беднота составляла почти 66% населения⁵⁶. В ганзейском городе Ростоке численность неимущего населения с 38% в 1454 г. выросла до 57% в 1490 г. и достигла 63% в первой трети XVI в⁵⁷. В другом ганзейском городе, Штральзунде, неимущие слои в конце XV — начале XVI вв. составили 55,3% от общего числа жителей⁵⁸. В одних случаях, когда ростки раннекапиталистического развития были выражены слабо, как это имело место в ганзейских городах, происходило превращение неимущих в городской плебс, в других, — как это видно на примере Аугсбурга, неимущие вовлекались в различные формы капиталистической эксплуатации и намечалась тенденция их превращения в наемных рабочих⁵⁹.

Анализ данных, свидетельствующих о характере и направлении социальной дифференциации городского населения в XV—XVI вв., дает основания для вывода, что начавшийся процесс разложения старой социальной структуры средневекового города явился исходным пунктом для другого исторического процесса — формирования классов ранней городской буржуазии и городского предпролетариата. Поясним кратко это положение.

Основой для формирования класса ранней буржуазии являлось развитие примитивных форм капиталистического производства. Этот класс рекрутировался прежде всего из

рядов городского бюргерства (купцов, цеховых и нецеховых мастеров, интеллигенции), хотя в данном процессе приняли участие представители и других слоев общества (дворяне и крестьяне).⁶⁰ В исторических условиях Германии того времени новый класс распался на противостоящие друг другу фракции торговой и мануфактурной буржуазии.⁶⁰ Противоборство этих двух фракций класса ранней буржуазии нашло отражение в широком антимонополистическом движении, развернувшемся в Германии с конца XV в. Развитие монополистической буржуазии характеризовалось, во-первых, тем, что Фуггеры и владельцы других крупных торгово-ростовщических фирм всеми средствами стремились к установлению монополии на рынке и вытесняли мелких предпринимателей из различных сфер деятельности, чем сдерживали рост широкой социальной прослойки буржуазии; во-вторых, монополистическая ее фракция опиралась на феодальные привилегии и феодальные силы⁶¹. На ранней стадии перехода от феодальной к капиталистической формации социально-экономическое развитие, как известно, происходит под знаком преобладания купеческого капитала над промышленным капиталом. В условиях Германии начала XVI в. превосходство торговой, или монополистической, буржуазии над промышленной буржуазией получило сильную опору в союзе первой с немецкими князьями и особенно Габсбургами.

Наемные рабочие, или предпролетариат, уже к началу XVI в. в крупных торгово-промышленных центрах составляли заметную прослойку городского населения. К примеру, в Швабии (в Ульме и Аугсбурге) он составлял по крайней мере 10—15% к общей массе самодеятельного населения.⁶² Его положение, достаточно тяжелое и в благополучные годы, становилось невыносимым в обстановке различного рода катаклизмов: изменений в худшую сторону рыночной конъюнктуры, военных действий, неурожаев и т. д.⁶² Приведем в связи с этим один, но выразительный пример. В голодные 70-е годы XVI в. аугсбургский поэт Бернабас Хольцман писал, что люди, имеющие обыкновение зарабатывать себе хлеб насущный прилежным трудом (к ним он относит прежде всего строительных рабочих и ткачей) оказались в полной кабале у предпринимателей. Сейчас прядильщики не имеют хлопка, ткачи — пряжи, и все они стоят перед выбором: умереть голодной смертью или за-

няться нищенством⁶². Однако прослойка мануфактурных рабочих в собственном смысле слова была незначительной даже в крупных городах. Наемные рабочие были очень немногочисленными или отсутствовали вовсе в мелких и средних городах. v

Итак, приведенные выше материалы свидетельствуют о необычайно сложной мозаике социальной структуры и социальных отношений в Германии накануне раннебуржуазной революции. По меткому выражению Ф. Энгельса, «каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными». Такое положение следует признать закономерным явлением для начальной стадии перехода от феодализма к капитализму. В немецком обществе, не успевшем еще выйти из средневековья, начались процессы, свидетельствующие о возникновении капиталистических производственных отношений и о появлении на исторической арене новых классов. Это и создавало острый клубок противоречий, которые усиливались и углублялись по причине политической раздробленности империи.

Оппозиция феодализму и немецкий гуманизм XV—начала XVI вв.

Оппозиция широких народных масс феодальному строю проходит красной нитью через всю историю средневековья, принимая самые разнообразные формы. В данном случае наше внимание будет сосредоточено на оппозиции этих масс католической церкви. Это обусловлено следующими обстоятельствами. С одной стороны, христианское учение было официальной идеологией феодального общества, и в средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представить им в религиозной одежде»⁶³. В такой же мере для той эпохи закономерно явление, когда «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь; все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преиму-

ществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»⁶⁴. С другой стороны, оппозиция католической церкви могла носить не только религиозный характер, но и принимать форму рационалистической критики религиозного мировоззрения и церковных догматов. Рассмотрим, однако, сначала первую линию оппозиции феодализму.

Средневековые ереси были широко распространены в германских землях и имели достаточно ясно выраженную социальную направленность. Как установил историк-марксист ГДР В. Тёпфер⁶⁵, учение о мировом перевороте и наступлении тысячелетнего царства Христа определенно получило развитие еще в учении немецких вальденсов. Вальденсы выражали убеждение в неизбежности триумфа над «испорченной церковью». Так, аугсбургские вальденсы еще в 1343 г. заявляли о том, что их секта должна оставаться тайной до прихода библейских пророков Илии и Еноха, а после их прихода сектанты выступают открыто. К началу XV в., по мнению Тёпфера, можно говорить о достаточно развитых формах хилиазма у вальденсов и о превращении учения о тысячелетнем царстве Христа в существенный элемент идеологии того времени. Причем еретиками (вальденсами и амальриканами) это учение использовалось в качестве средства критики современного им общества и утверждения собственного идеала. Пример таборитов показывает, что это средство могло быть использовано и для перехода от пассивных к активным формам борьбы.

В то же время необходимо иметь в виду историческую ограниченность средневекового хилиазма. Выдвигая идею о необходимости преобразования общества, хилиасты видели движущую силу этого преобразования не в самих себе, а передавали данную функцию другим силам. Поэтому их проекты носили утопический характер и были далеки от реальной действительности. Только в отдельных случаях, как это было у таборитов, мы наблюдаем переход от утопии к практическим действиям. Поэтому социальные корни средневекового хилиазма довольно расплывчаты, так как в одних случаях мы имеем дело с реформами в рамках существующего строя, в других — с идеей общественного переворота. Только в гуситском движении

хилиазм как форма утопии о наступлении нового общества переплетается с насильственными, революционными акциями народных масс.

Объяснение данному историческому явлению необходимо искать в следующем. В еретическом движении (вальденсов в том числе) ярко проявлялись две тенденции: с одной стороны, в ересях, которые по преимуществу были формой бюргерской идеологии, нашло отражение стремление широких слоев городского населения к реализации принципа «дешевой церкви», с другой стороны, в этих же ересях находили выражение настроения обездоленных и эксплуатируемых народных масс города и деревни о всеобщем равенстве и социальной справедливости. Несмотря на утопичность учения о «всеобщем благоденствии», хилиастические настроения сыграли роль революционной традиции в борьбе народных масс против феодализма и в условиях назревавшей революционной ситуации приобрели важное значение в мобилизации этих масс на борьбу. Именно такие настроения в массах использовали в 1525 г. Томас Мюнцер и анабаптисты.

Идеи хилиазма, в их радикальной форме призывавшие к установлению полного равенства и общности имущества, были чужды бюргерской оппозиции, которая в то же время, по словам Ф. Энгельса, «очень серьезно боролась против попов»⁶⁶. Поэтому в бюргерской среде большой популярностью пользовалось учение немецких мистиков XIV в. Эккарта, Сеузе и Таулера⁶⁷. В чем причина этой популярности?

Для каждого верующего христианина главным был вопрос о «спасении души», которым только и может быть достигнуто потустороннее «царство небесное». Католическая церковь учила, что лишь она дарует это «спасение». Верующий достигает его «добрыми делами», т. е. признанием догматов и обрядов церкви, уплатой десятин и послушанием церковному начальству. Причем церковь утверждала, что римский папа наследовал всю «благодать», созданную искупительной жертвой Иисуса Христа во имя рода человеческого. Поэтому церковь вправе распределять эту «благодать» между верующими, в том числе и за деньги, если они будут употреблены на «богоугодные дела». Тем самым оправдывалась практика продажи грамот об отпущении грехов — индульгенций. Мистики в противопо-

ложность этому учению говорили о решающей роли в «спасении души» глубокого внутреннего религиозного чувства, что для того времени было большой крамоллой и вызывало осуждение со стороны официальной церкви. Дело в том, что мистики, выдвигая тезис о своего рода «религиозном индивидуализме», тем самым ставили под сомнение необходимость дорогостоящей церковной иерархии и выступали с бюргерским требованием «дешевой церкви». Поэтому не случаен тот факт, что учение мистиков было использовано и развито далее Лютером.

Другим направлением оппозиции католической церкви и официальной идеологии было гуманистическое движение. В первые десятилетия XVI в. немецкий гуманизм пережил кратковременный, но блестящий период расцвета. Однако началось гуманистическое движение в германских землях еще в XV в.⁶⁸ Попробуем в предельно сжатом виде представить основные этапы его развития.

Первым немецким гуманистом был Николай Кузанский, политический деятель и мыслитель, философ, математик и астроном. В трактате «О всеобщем согласии» он выдвигает проект, который предусматривал устранение политической раздробленности империи путем проведения крупных преобразований по инициативе самой государственной власти. Поэтому по общей направленности проект во многом перекликается с основными положениями радикального политического памфлета «Реформация императора Сигизмунда» (1439 г.). Однако в отличие от анонимного автора памфлета Кузанцу чужда идея проведения преобразований силами бюргерства при активной поддержке последнего широкими народными массами. Утопичность трактата «О всеобщем согласии» состояла в том, что он предполагал достижения единства империи и папства путем взаимных уступок и без учета реального соотношения сил. Поэтому гораздо большее значение имела гуманистическая философия Кузанца и его значительный вклад в развитие математики и астрономии.

Самой яркой и значительной фигурой немецкого гуманистического движения на первом его этапе был поэт Конрад Целтис (1459—1508). Поэзия Целтиса носила патристический характер, содержала страстный призыв к распространению гуманистической образованности как условие успешного ведения всех государственных дел. Поэти-

зация философских образов у Целтиса подчинена общей идее пантеистического миропонимания. Он же с негодованием обрушивается на продажность церкви, в особенности на торговлю индульгенциями. В целом многогранная деятельность Целтиса не только как поэта, но и как пропагандиста гуманистических идей и знаний свидетельствовала о буржуазной основе его мировоззрения и о его выдающейся роли в истории немецкого гуманизма.

Новый этап в истории немецкого гуманизма связан с именем Иоганна Рейхлина (1455—1522). В конце первого десятилетия XVI в. Рейхлин выступил против реакционно настроенных кёльнских теологов, которые требовали уничтожения еврейских книг, являвшихся, как они утверждали, враждебными христианству. «Дело Рейхлина» приобрело необычайно широкий общественный резонанс. В ходе развернувшейся идеологической борьбы появились знаменитые «Письма темных людей», в которых реакционеры-обскуранты подвергались беспощадной критике. «Письма темных людей» были результатом литературной деятельности эрфуртского кружка гуманистов и особенно самого крупного его представителя Ульриха фон Гуттена⁶⁹.

В «Письмах темных людей» разоблачается схоластическая лжеученость и безнравственная жизнь католического духовенства. Гуттен боролся за развитие светской культуры, мастерски применял в своем литературном творчестве метод рационалистической критики католических догм и папства. Жизнеутверждающее гуманистическое мировоззрение Гуттена проникнуто страстной верой в могущество разума, силу науки, высокую ценность человеческой личности. В обстановке начавшегося реформационного движения Гуттен в памфлетах «Вадиск, или Римская троица» (1520), «Наблюдатели» (1520), «Разбойники» (1521) и др. призывал выступить открыто войной против папства, искоренить в Германии засилье князей — носителей политической раздробленности. Осуществление этой программы Гуттен считал решающим этапом на пути воплощения социально-политических идеалов гибнувшего рыцарства: создания централизованной империи, основанной на крепостничестве и опирающейся на дворянство. Политические планы оппозиционного рыцарства, идеологом которого выступил Гуттен, не могли найти поддержки со стороны

широкого общественного движения и были обречены на провал.

Выдающимся представителем гуманистического движения в общеевропейском масштабе был Эразм Роттердамский⁷⁰. В своих трактатах «О презрении мира», «Книга антикваров», «Руководство христианского воина» Эразм дает гуманистическую трактовку христианства и развивает гуманистическую теорию воспитания и образования, основой которого должно было стать изучение античной культуры. В воспитании Эразм исключительное значение придавал нравственному самоусовершенствованию. В этих трактатах он подчеркивает моральный вред института частной собственности, резких социальных контрастов и бедности. В трактате «Воспитание христианского государя» в яркой форме выражена политическая этика Эразма. В основу этой этики положены принципы рационализма и целесообразности, подчинения частных интересов общегосударственным. В наиболее популярных произведениях: «Жалобы мира», «Похвала Глупости» и «Разговоры за просто» Эразм с помощью сатиры подвергает резкой критике пороки современного ему общества. Однако при всем радикализме этой критики и рационалистической трактовке христианства он не посягал в принципе на основы не только религиозного мировоззрения, но и церковной организации. Своим учением Эразм фактически способствовал распространению не только гуманистической, но и реформационной идеологии, однако сам выступил против Реформации.

Еще одна крупная фигура в истории немецкого гуманизма XVI в. Виллибальд Пиркхаймер (1470—1530)⁷¹. Для этого нюрнбергского патриция, главы местного кружка гуманистов, мецената и личного друга Дюрера, идеалом городского строя служила «республика оптиматов и патрициев», т. е. олигархия. Но в то же время Пиркхаймер резко выступал против князей и епископов, в которых видел врагов городской независимости. Он же являлся борником сильной императорской власти и политического единства Германии.

Примечательной чертой творчества почти всех немецких гуманистов был глубокий интерес к истории, что и обусловило возникновение национальной гуманистической историографии. Об этом, в частности, свидетельствуют

энергичные попытки Целтыса объединить немецких гуманистов для создания обширного коллективного труда по историко-географическому описанию Германии («*Germania illustrata*»). Но этот план лишь отчасти был реализован в трактате главы кружка аугсбургских гуманистов Конрада Пойтингера «Застольные беседы о дивных древностях Германии». Сам Пирхаймер написал «Историю швейцарской войны», в которой принимал личное участие. Это было первое немецкое гуманистическое произведение о современных автору событиях. Националистические тона присущи трактату Якова Вимпфелинга «Германия», в которой предпринимается попытка обоснования идеи «перенесения» империи из Рима в Германию. Беат Ренан предпринял научные штудии истории древних германцев и раннего средневековья, Себастьян Франк сквозь призму классовых битв раннебуржуазной революции в «Исторической библии» рассматривает всю германскую историю. Сложное и противоречивое мировоззрение Франка, которому известны отступления от принципов гуманистической историографии, в то же время отражало настроения радикальных кругов немецкого бюргерства, оппозиционного феодальному строю⁷².

Необходимо также отметить, что гуманистическая идеология оказала сильное влияние и своеобразно преломилась в творчестве титанов культуры немецкого Возрождения — Альбрехта Дюрера и Грюневальда⁷³. В творчестве этих мастеров сильно звучат социальные мотивы. Особенно выразителен в этом отношении Изенгеймский алтарь, созданный Грюневальдом в 1512—1515 гг. Здесь в образах нищего Христа и Иоанна Предтечи нашли свое яркое выражение мысли о героическом подвиге, о великой жертве, которая может исцелить язвы общества. Грюневальд в своем творчестве «со всей страстью подлинного художника Возрождения адресовался к самым широким массам, к народу»⁷⁴. Сразу же после поражения Крестьянской войны Дюрер создает гравюру — своеобразный проект памятника минувшим событиям. В этом памятнике нет малейшего чувства гнева или мести; напротив, в нем чувствуется насмешка над победителем и симпатия к крестьянину, побежденному и вновь угнетенному.

Гуманизм имел огромное значение. Распространение гуманистических идей, ускоренное развитием книгопеча-

тания, означало не только «секуляризацию сознания» от оков средневековья. Гуманистами в повестку дня были поставлены самые жгучие и злободневные вопросы об освобождении от засилья католической церкви и объединении Германии. Советские историки по существу единодушны во мнении, что «уже на раннем этапе гуманизм выражает вполне конкретные идеи, связанные с зарождением капиталистических отношений Германии»⁷⁵. Конечно же, при этом нельзя забывать о сословной и классовой ограниченности их взглядов, непоследовательности позиции в решении некоторых актуальных вопросов современности и т. д. Все это, однако, не умаляет значения их деятельности. В. И. Ленин писал, что «исторические заслуги судятся не по тому, *чего не дали* исторические деятели сравнительно с современными деятелями, а потому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками»⁷⁶. Немецкие гуманисты выдвигали идеи, которые, в конечном счете, способствовали подготовке «буржуазной революции № 1».

Характер и типология народных движений в германских землях в конце XV — начале XVI вв.

Последняя четверть XV — первые два десятилетия XVI вв. буквально заполнены непрекращающейся классово-вой борьбой широких народных масс, которая зачастую приобретала характер открытых выступлений против феодального строя. Народные движения были многообразны по социальному составу участников, характеру и требованиям. Это были крестьянские или городские заговоры, волнения и восстания, совместные выступления крестьян и горожан с представителями других общественных слоев. Участники этих движений могли формулировать требования, не выходящие за рамки некоторых реформ системы феодализма, или же, напротив, включать такие радикальные положения, реализация которых неизбежно приводила к установлению буржуазного строя. Не имея возможности дать обстоятельную характеристику всем народным движениям, кратко остановимся на наиболее крупных и значительных из них.

Народные движения, непосредственно предшествовавшие Реформации и Крестьянской войне, начинаются с так наз. «святого паломничества в Никласхаузен» в 1476 г. Весной этого года в небольшой франконской деревушке Никласхаузен стал выступать с проповедями сельский пастух и музыкант (дударь) Ганс Бёхайм. Сначала он призывал к аскетизму и покаянию, что было обычным для средневековья явлением. Однако вскоре в проповедях Бёхайма появились новые мотивы: он стал говорить, что «император — злодей, а папа не лучше», что не надо платить никаких феодальных поборов и податей и нести феодальные повинности, что все земли, луга и воды должны принадлежать всем, что, если бы поделить все, что имеют господа и дворяне, то каждый имел бы достаточно, что и должно в скором времени случиться, что скоро все князья и дворяне будут добывать хлеб трудом рук своих, что духовенство будет истреблено и т. п.⁷⁷ Содержание проповедей Бёхайма не оставляет сомнения в их антифеодальном характере и объясняет причину необычайной популярности самого проповедника.

Проповедническая деятельность Ганса Бёхайма вызвала большое беспокойство у феодальных властей. Об этом красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас документы⁷⁸. Вскоре после событий епископ вюрцбургский писал графу Вильгельму фон Хенбергу об удивительном паломничестве в деревню Никласхаузен, «возникшем по причине легкомыслия одного лица». О Бёхайме епископ говорил, что тот «публично проповедывал и призывал простой народ против христианского порядка, всей христианской церкви, также против обоих глав христианства (т. е. против) как нас и святого отца папы, так и (против) нашего всемилостливейшего господина римского императора, также (против) всех князей, духовенства и дворянства, чем привлеж на свою сторону простой народ...» Тогда же епископ писал маркграфине бранденбургской Маргарите о том, что Бёхайм наставлял народ против всех князей, духовенства и дворянства. Поэтому епископ и местное дворянство приняли срочные меры: по приказу епископа проповедник сначала был арестован, а затем публично казнен; церковь в Никласхаузене сожжена.

С 1493 г. начинается целая серия заговоров «Башмака» на юго-западе Германии, которые открывают качественно

новый этап антифеодальной борьбы народных масс. Однако накануне первого заговора «Башмака» в противоположных концах империи, на том же юго-западе в Альгау в кемптенском аббатстве и на ее крайнем северо-западе в Голландии, также произошли весьма значительные события. Если кемптенские крестьяне поднялись на борьбу с оружием в руках, требуя освобождения от личного крепостничества⁷⁹, то восстание в Голландии, получившее название «игры хлеба и сыра», было вызвано другими причинами⁸⁰. Обратимся сначала к восстанию голландских крестьян.

Прежде всего необходимо указать на те исторические условия, в которых возникло это восстание. Показательно, что в основном районе восстания 1491—1492 гг. в Голландии, в Кеммермерланде, к концу XV в. около 40% земель (в некоторых деревнях до 84%) перешло в руки городских землевладельцев, которые и сдавали эту землю на условиях по существу капиталистической аренды. Под влиянием развития товарно-денежных отношений в голландской деревне интенсивно протекал процесс дифференциации населения. На одном ее полюсе появилась зажиточная верхушка, ведущая предпринимательское хозяйство, на другом — прослойка малоземельных и безземельных жителей деревни. Последние две многочисленные категории крестьян не могли прокормить себя за счет занятий сельским хозяйством. Поэтому их рабочая сила находила применение на рыбных промыслах и в ремесленном производстве. В ремесле широкий размах получило льноткачество, которое городскими предпринимателями было организовано с помощью раздач. То же самое можно сказать о сельском сукноделии. Отсюда вполне очевиден вывод о связи восстания с явлениями раннего капитализма, хотя конкретная картина влияния последнего на характер событий до сих пор не установлена.

Движение голландских крестьян, которое началось во время пасхи 1491 г. и было подавлено только летом следующего 1492 г., получило энергичную поддержку со стороны городского населения, причем в движении приняли участие не только низшие и средние его слои, но и представители зажиточной верхушки. Одновременно это же движение было направлено против богатейшей городской верхушки. Объяснение такому явлению следует искать в

усилении податного гнета и введении новых налогов, которые графская администрация передавала на откуп первым городским богатеям. По мнению историка ГДР К. Феттера, восстание в Голландии, подобно крестьянским восстаниям на юге и юго-западе империи, было вызвано начавшимся на рубеже XV — XVI вв. кризисом феодального общества. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что во время «игры хлеба и сыра» была предпринята попытка установления боевого союза между крестьянскими и городскими массами. Эта линия классовой борьбы была продолжена в заговорах «Башмака»⁸¹.

Первый заговор «Башмака» возник в 1493 г. в Эльзасе, в городе Шлетштадте и его окрестностях. В заговоре приняли участие крестьяне, в том числе представители деревенской верхушки, и горожане из числа бюргеров и плебеяв. Можно также отметить факт сочувствия к заговорщикам со стороны некоторых представителей низшего рыцарства. Во главе заговора стоял бывший бургомистр Шлетштадта Ганс Ульман, представитель умеренных элементов. Радикальную группировку возглавлял также горожанин Яков Хаузер. Это нашло отражение и в программах заговора. Официальная программа заговора требовала: 1) ликвидации духовных судов; 2) ликвидации императорского суда в городе Ротвейле; 3) изгнания ростовщиков-евреев. Включение в программу первых двух требований можно объяснить тем, что деятельность обоих судов была связана с большими материальными расходами и рецепцией в них римского права, служившего к тому же орудием феодальной реакции; третьего — проникновением ростовщического капитала в ремесло и сельское хозяйство. «Тайные статьи» предусматривали: 1) замену многочисленных феодальных поборов и налогов общим налогом в размере 4 пф. с человека; 2) ограничение доходов духовенства одной пребендой в размере 40—50 гульденов годового дохода и конфискацию остальных доходов в «общую пользу»⁸². Если первая программа не посягала на устои феодализма, реализация второй наносила этим устоям сильный удар.

Второй заговор «Башмака» возник в 1502 г. в епископстве шпейерском, расположенном на правом берегу Рейна, в деревнях вокруг города Брухзала. Центром заговора стала деревня Унтергрумбах, житель которой по имени Иос Фриц был одним из руководителей заговора. В заговор

были вовлечены несколько сот крестьян и горожан, а также 500 конных ланскнехтов. Важнейшие требования заговорщиков сводились к следующему: 1) секуляризация и раздел церковных и монастырских имуществ; 2) ликвидация всех феодальных платежей, поборов и десятин; 3) возвращение общинам узурпированных феодалами земель альменды; 4) отмена личного крепостничества; 5) ликвидация всех феодальных властей⁸³. По существу эта программа выдвигала недостаточно еще четко формулированную идею общественного переворота и завоевания власти «простым народом». Реализация требований программы должна была устранить феодальную систему угнетения и эксплуатации.

Третий заговор «Башмака» возник в 1513 г. также на юго-западе Германии, в области Брейсгау, принадлежавшей тогда Габсбургам. Центром этой области был город Фрейбург. Центром же заговора стала деревня Леэн, где поселился после долгих скитаний бежавший в 1502 г. из епископства шпейерского Иос Фриц. Основную массу участников заговора составили крестьяне, к которым прикнули не только городские плебеи, но и бюргеры. В движении 1513 г. приняли также участие некоторые представители дворянства и низшего духовенства. Программа заговора состояла из следующих основных требований: 1) упразднение всех властей, кроме императора и папы; 2) возвращение земель альменды; 3) назначение твердого содержания священникам и проведение частичной секуляризации церковных имуществ в пользу народа; 4) ликвидация духовных и ротвейльских судов; 5) ликвидация ростовщичества и установление фиксированного кредитного процента (5%); 6) уменьшение налогов и феодальной ренты⁸⁴. В этой программе политические требования ликвидации всех феодальных властей, а вместе с ними и княжеского мелкодержавия и установления централизованной монархии стоят на первом месте. Что касается социально-экономических требований, то они по сравнению с программой заговора 1502 г. существенным образом смягчены. Это диктовалось необходимостью создания в борьбе с феодальным правопорядком более широкой оппозиции, которая включала бы все оппозиционные элементы.

Четвертый, и последний, заговор «Башмака» (1517 г.) охватил всю юго-западную Германию и, очевидно, имел два

центра — Шварцвальд и Северный Эльзас. Во главе заговора и здесь стоял Иос Фриц, этот, по словам Ф. Энгельса, «образцовый заговорщик»⁸⁵. К сожалению, в дошедших до нас источниках не сохранилось программы заговора 1517 г. Только показания арестованных заговорщиков дают основания полагать, что они требовали отмены всех рент, процентов и оброков, отказывались платить подати и налоги и быть послушными всем господам, кроме императора и церкви⁸⁶. Но и эти скудные и отрывочные данные позволяют говорить о том, что заговорщики, с одной стороны, выражали сомнение в правомерности феодального строя и феодальной эксплуатации, с другой, — выдвигали идею создания народного, крестьянского государства во главе с императором, но без князей и других феодальных властей. Отметим также, что заговор был раскрыт и подавлен в августе — сентябре 1517 г., т. е. буквально накануне выступления Лютера с «95 тезисами», которым началась раннебуржуазная революция.

Около 1503 г. на территории Бадена и Вюртемберга возник еще один крестьянский союз под именем «Бедного Конрада». Возможно предположение, что в его создании приняли участие члены «Союза башмака». Весной 1514 г. союз «Бедного Конрада» организовал восстание против вюртембергского герцога Ульриха. В движении приняли участие и горожане, недовольные резким увеличением налогов. Восставшие добивались созыва ландтага и участия в нем представителей крестьян. Ландтаг с согласия Ульриха постановил конфисковать церковные имущества для покрытия дефицита в герцогской казне. Однако Ульрих не намерен был выполнять требований восставших. Вскоре ему удалось, пойдя на уступки в вопросе о налогах, договориться с горожанами. Последние предали крестьян, что, в конечном счете, предопределило поражение восставших⁸⁷. События 1514 г. в Вюртемберге ясно указали на смещение фронта классовой борьбы. Движение народных масс вступает в полосу конфронтации «княжескому абсолютизму», который в ряде территорий империи еще до Реформации стал фактом реальной действительности. Трусливое и предательское в данном случае поведение бюргерской оппозиции объективно способствовало укреплению позиций «княжеского абсолютизма» и, следовательно, уг-

дублированию процесса политической раздробленности Германии.

Еще одним направлением классовой борьбы были городские движения, интенсивность и острота которых нарастает с последней четверти XV в. и достигает апогея к началу раннебуржуазной революции. С одной стороны, эти движения могли отражать «старые» социальные противоречия, известные различным стадиям развития города в условиях простого товарного производства: антисеньориальные выступления по преимуществу земских или княжеских городов, борьбу цехового бюргерства с патрициатом и городского плебса с правящей олигархией. Однако в условиях назревания революционного кризиса и эти «старые» формы наполнялись новым содержанием. Дело в том, что и в ходе социальной борьбы данного типа в повестку дня могли выдвигаться вопросы установления боевого союза с крестьянскими массами и осуществления преобразований, которые, в конечном счете, должны были привести к победе буржуазных отношений. С другой стороны, социальные противоречия в городах порою обнаруживают прямую связь с явлениями раннего капитализма и зарождением противоположности между ранней буржуазией и предпролетариатом. Попытаемся рассмотреть это на конкретных примерах.

Сразу же вслед за «святым паломничеством в Никлашаузен» осенью того же 1476 г. важные события произошли в крупном имперском городе Аугсбурге⁸⁸. Здесь радикально-бюргерская оппозиция во главе с бургомистром Ульрихом Шварцем одержала осенью 1476 г. триумфальную победу на выборах в магистрат и пришла к власти в городе. Находясь у власти в течение почти полутора лет (до апреля 1478 г.), партия Шварца осуществила демократизацию городского управления и судопроизводства, наметила проведение налоговой реформы и частичной секуляризации церковных имуществ. Деятельность Шварца и его правительства развивалась в условиях раннего капитализма, одной из цитаделей которого в Германии был Аугсбург. Отношение к данному явлению со стороны городского населения было различным. Большинство цеховых ремесленников выступало против распространения отношений раздач и попыток создания предпринимательскими элементами капиталистических мануфактур, так как это боль-

шинство стремилось сохранить или вернуть утраченные позиции мелких самостоятельных товаропроизводителей. Не было единства и в рядах раннекапиталистического бюргерства. Владельцы крупных уже тогда торгово-ростовщических фирм (Вельзеры, Госсенброты, Герварты и Релингеры) свои экономические интересы ограничивали участием в отношениях раздач, международной торговле, банковских операциях и установили тесные контакты с Габсбургами, что в значительной мере определяло и их линию политического поведения. Радикальные элементы выступали за свободу предпринимательской деятельности и переход к мануфактурному производству. Против Шварца выступили император, баварские герцоги, католическая церковь, городской патрициат и часть цеховой верхушки. Все это в конечном счете и привело к поражению радикально-бюргерской оппозиции, а самого Шварца — на эшафот.

В конце 70-х годов XV в. острые социальные противоречия обозначились и в других городах⁸⁹. В городе соляных варниц, Халле-на-Зале, в 1478 г. бюргеры поднялись против владельцев соляных промыслов, в руках которых находилась монополия на власть в совете. С одобрения оппозиции архиепископ направил в город войска, которые и свергли прежнее правительство. Огнине было установлено, что совет рекрутируется из представителей цехов и общины. Но одновременно город был подчинен власти территориального князя и утратил свои коммунальные вольности. Такой поворот событий был обычным явлением. Территориальные князья зачастую использовали внутригородские социальные противоречия с целью укрепления и усиления своей власти.

Систематическая «порча монеты» явилась поводом восстания 1488—1490 гг. в Брауншвейге. Бургомистр и часть членов совета бежали из города, где рядом с магистратом был создан бюргерский комитет. Примечательно также, что первый пункт программы восстания был направлен против синдиков магистрата, которые реформировали судопроизводство в городе на основе принципов римского права. В ходе этих событий проявилась и типичная тактика территориальных князей. Вмешательство герцога привело к свержению комитета и усилению влияния княжеской администрации. В 1487—1491 гг. произошли волнения в Ростоке, которые совпали со строительством в го-

роде кафедрального собора и получили название «кафедральной вражды». Причем борьба за коммунальные вольности и выступления против светских и духовных сеньоров развернулась в Ростоке одновременно с обострением противоречий между бюргерской оппозицией и городской беднотой, с одной стороны, обеих этих группировок с городскими патрициями, — с другой.

Крупные волнения и восстания ремесленников и плебеев против патрицианского правления в начале 80-х годов XV в. произошли также в Гамбурге и Кёльне. В 1488 г. восстали бюргеры Оснабрюка. Их борьба была направлена как против совета, так и особенно против клира католической церкви. Это был тот фронт борьбы, который играл также заметную роль и во время событий в Ростоке. Восстания, направленные против городских и территориальных князей, произошли в 1472 г. в Страсбурге и Цвиккау, в 1477 г. — в Аахене и Грейфсвальде, в 1478 г. — в Кретцнахе, в 1485 г. — в Регенсбурге, в 1487 г. — в Циттау, в 1489 г. — в Стендале, в 90-е годы — в Кальбе, Нюртингене, Фрицларе и ряде других городов. С наступлением XVI в. эта борьба не только не прекратилась, но и, напротив, усилилась.

Вместе с тем со второй половины XV в. все большее значение в средневековых немецких городах приобретали социальные противоречия, которые были связаны с явлениями раннего капитализма и вступлением на историческую арену двух новых классов — ранней буржуазии и предпролетариата. Эти противоречия могли проявляться как в «старой» форме борьбы подмастерьев с мастерами⁹⁰, так и приобретать новые черты. Рассмотрим кратко вторую тенденцию развития.

В 1512 г. вспыхнуло волнение ремесленников-бумазейщиков в имперском городе Ульме. Поводом волнения явилась острая нужда ткачей в хлопке, возникшая по причине начавшейся войны Габсбургов с Венецией, откуда ввозилось это сырье в Ульм. К тому времени большинство городских цеховых мастеров-ткачей уже находилось в сильной экономической зависимости от предпринимателей-раздатчиков и подвергалось капиталистической эксплуатации. Однако городские ремесленники выступали не против капиталистов, а против своих конкурентов — сельских ткачей, требуя «закрытия» деревенских промыслов и вос-

становления своего положения в качестве мелких самостоятельных товаропроизводителей.

В другом центре бумазейной промышленности — Аугсбурге — еще с 90-х годов XV в. развернулась драматическая борьба вокруг так наз. «длинной пряжи». Фактически эта борьба велась между капиталистами-раздатчиками и цеховыми ремесленниками. Продолжавшаяся несколько десятилетий борьба во второй половине 30-х годов XVI в. закончилась полной победой предпринимателей и подчинением ткачей власти капитала. В отличие от ульмских аугсбургские бумазейщики уже сознавали противоположность своих интересов интересам капиталистов-раздатчиков и вели борьбу именно с ними. Однако, как и ульмские цеховые мастера, аугсбургские ремесленники требовали восстановления жестких норм цеховой монополии и регламентации и средневековых форм мелкого товарного производства и не выдвигали, собственно говоря, пролетарских требований.

Таким образом, в конце XV — начале XVI в. в Германии происходит обострение социальной и классовой борьбы. Основным ее направлением продолжал оставаться антагонизм между господствующим классом феодалов и классом крепостного и зависимого крестьянства. Но крестьянство могло победить, только имея союзников. В связи с этим отметим, что одновременно с крестьянскими массами городское бюргерство также вело борьбу с католической церковью и феодальным дворянством. С появлением класса ранней буржуазии эта борьба приобрела особое значение. Исторический опыт антифеодальных движений действительно указывал на необходимость установления боевого союза различных слоев городского населения с крестьянством. И нужно сказать, что в этом направлении были сделаны важные шаги. Препятствием на пути политической консолидации крестьянства и бюргерства продолжало оставаться в первую очередь участие городов и бюргерской верхушки в феодальном землевладении. В то же время с развитием раннекапиталистических отношений возникла противоположность интересов ранней буржуазии и пролетариата. Однако самим ходом исторического развития эта противоположность временно, до завоевания буржуазией политической власти, отодвигалась на второй план. В борьбе против феодального правопорядка буржуазия име-

да естественного союзника не только в лице крестьянства, но и в лице зарождающегося рабочего класса.

Роль своего рода ускорителя процесса классовой борьбы играло политическое положение Германской империи. Недовольство засильем католической церкви было всеобщим. Передовые элементы общества глубоко переживали политическую раздробленность и прилагали усилия к ее преодолению. «Княжеский абсолютизм» был препятствием на пути не только прогрессивных тенденций социально-экономического развития, но и на пути политической консолидации общества. Вот почему с приближением революционного кризиса политический фактор приобретал особенно важное значение.

* * *

Итак, подведем краткие итоги и попытаемся ответить на вопрос, почему именно германские земли в XVI в. стали ареной первой в истории раннебуржуазной революции.

В достаточной мере очевидно, что нельзя дать научно обоснованный ответ на поставленный вопрос, не принимая во внимание явлений раннего капитализма. Но раннекапиталистические производственные отношения, как это убедительно показал В. И. Рутенбург⁹¹, впервые возникли в наиболее развитых городских центрах Средней и Северной Италии еще в XIV в. В германских землях возникновение капитализма можно датировать только XV в. В то же время в последних существовали особые условия, которые толкали новые еще недостаточно зрелые и окрепшие производительные силы на открытое выступление против всей системы производственных и общественных отношений.

В отличие от Италии, где пополааны уже в XIII в. одержали победу над феодальным дворянством, создав тем самым благоприятные условия для успешного развития ремесла и торговли, в германских землях процесс генезиса капитализма начался в условиях безраздельного политического господства класса феодалов, что создавало на его пути серьезные препятствия. Включение германских земель, находившихся в состоянии глубокой раздробленности, в универсалистские планы Священной Римской империи привело к их сильной зависимости от католической церкви,

которая, опираясь на союз с Габсбургами, беззастенчиво обирала немцев.

Развитие производительных сил ставило в очень трудное положение существование в самой Германии многочисленных таможенных застав, пошлин, поборов, регальных прав владетельных князей и цехового принуждения в городах. К тому же немецкая деревня продолжала играть роль бастиона феодализма, так как достижения в сельском хозяйстве в большинстве случаев использовало в своих корыстных интересах реакционное феодальное дворянство. Парадокс состоял также в том, что в наиболее экономически развитых областях юго-запада империи это дворянство со второй половины XV в. начало почти повсеместное наступление на крестьянские массы, используя все средства, чтобы превратить свободных чиншевиков в лично крепостных людей.

В XVI в. Западная Европа вступила в первую стадию кризиса феодальной социально-экономической формации. Но если в таких странах, как Англия и Франция, силы прогресса долгое время находили опору в сильных централизованных монархиях, в германских землях такая опора полностью отсутствовала. Объективно это обстоятельство способствовало усилению антифеодальной борьбы народных масс и ставило перед ними задачу преодоления политической раздробленности. И, как мы видели, в Германии уже на рубеже XV—XVI вв. была создана прочная революционная традиция и широкая оппозиция, которая вела борьбу за крупные общественные преобразования, в том числе политического строя. С появлением на авансцене истории новых классов — ранней буржуазии и предпролетариата — антифеодальному движению был сообщен новый импульс.

Кризис феодальной системы сопровождался кризисом феодальной идеологии. Поскольку эта идеология в средние века выступала в виде христианского вероучения, ее кризис находил выражение в различных формах оппозиции церкви. С наступлением кризиса все чаще звучали голоса сомнения и критики догматов официальной церкви. Несметные богатства прелатов церкви, праздный и порочный образ жизни белого и черного духовенства, непомерные финансовые притязания римской курии — все это возбуждало всеобщее недовольство и превращало церковь в объ-

ект яростных нападков со стороны представителей различных слоев общества. Ввиду того, что церковь представляла собою краеугольный камень всего существующего строя, борьба против нее с необходимостью должна была выйти за рамки споров о католических догматах или даже только церковных преобразованиях.

Все сказанное выше в известной мере бросает свет на причины и предпосылки революционной ситуации, которая получила разрешение в событиях Реформации и особенно Крестьянской войны. Но это уже другая тема.

Введение

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 308.
- ² История средних веков, т. 2, изд. 2-е. Под общей ред. С. Д. Сказкина. М., 1977, с. 49—50, 51—52, 57, 61, 74, 75, 78.
- ³ Семенов В. Ф. История средних веков. М., 1970, с. 412, с. 414—415, 422, 427, 431, 433—434.
- ⁴ История средних веков. Под ред. Н. Ф. Колесниченко. М., 1980, с. 401, 403, 406, 410, 413, 416, 407.
- ⁵ Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков. Учебник для 6-го класса. М., 1982, с. 220, 227—228. Ср. с изданием того же учебника 1962 г., где факт возникновения буржуазии и ее участия в Реформации и Крестьянской войне все же получил признание (с. 212, 219).
- ⁶ Всемирная история в десяти томах. М., 1958, т. IV, с. 184, 154, 157, 180—181.
- ⁷ Германская история в новое и новейшее время в двух томах. М., 1970, т. 1, с. 12—14, 46—48, 51—52, 57.
- ⁸ Смирин М. М. Крестьянская война 1524—1525 в Германии.— СИЭ. М., 1965, т. 8, с. 82—86.
- ⁹ Смирин М. М. Крестьянская война 1524—1526 в Германии.— ВСЭ. М., 1973, т. 13, с. 397—398.
- ¹⁰ Чистозвонов А. Н., Самохина Н. Н. Реформация.— ВСЭ. М., 1975, т. 22, с. 60.
- ¹¹ Чистозвонов А. Н., Самохина Н. Н. Реформация.— СИЭ. М., 1969, т. 12, с. 23—30.

Глава первая

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422—423, 426—427. Ср.: там же, т. 4, с. 144, 424—425; т. 19, с. 190—191; т. 20, с. 17—18, 108—109.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 114.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 345.
- ⁴ Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии, т. 1—2. М., 1937.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 356, 363—364.
- ⁶ Там же, с. 413—414.

⁷ На это обратил внимание еще А. Д. Эпштейн (см.: Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961, с. 10—11).

⁸ См.: Смирин М. М. Энгельс о значении Крестьянской войны в Германии.—СВ, 1962, вып. 21, с. 12—24; он же. Фридрих Энгельс о характере народных движений в Германии в эпоху раннебуржуазной революции XVI в.—В кн.: Энгельс и проблемы истории. М., 1970, с. 128—138.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 572—573.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 191.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 417—418.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 132, 227, 232, 339; т. 37, с. 229; т. 38, с. 80, 226; т. 39, с. 85, 287, 369, 399—400.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 46—47.

¹⁵ Стоклицкая-Терешкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.; Л., 1936, с. 7—8, 323, 101—103, 88. Ср. также: она же. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны.—Вестник МГУ, сер. обществ. наук, 1950, вып. 2, с. 53—54.

¹⁶ Полянский Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв. М., 1952, с. 167 сл.

¹⁷ См.: Эпштейн А. Д. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в.—СВ, 1953, вып. IV; Стоклицкая-Терешкович В. В. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции.—СВ, 1954, вып. V; Рутенбург В. И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии в XIV—XV вв.—СВ, 1955, вып. VI, Чистозвонов А. Н. Исследовать явления в их исторической самобытности и связях.—Там же; Баткин Л. М. Письмо читателя.—Там же; К итогам дискуссии по проблеме генезиса капиталистических отношений.—Там же (статья редколлегии сборника «Средние века»).

¹⁸ Рутенбург В. И. Очерки истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.

¹⁹ Чайковская О. Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет.—ВИ, 1956, № 12; Смирин М. М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации.—ВИ, 1957, № 6; Эпштейн А. Д. К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции.—ВИ, 1957, № 8; Григорьян Ю. М. К вопросу об уровне экономики о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии.—ВИ, 1958, № 1; Мацек И. К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии.—ВИ, 1958, № 3; Стам С. М. Чем же в действительности была Реформация в Германии?—ВИ, 1958, № 4.

²⁰ Смирин М. М. Борьба за землю в Юго-Западной Германии в XV в. и начале XVI в.—ИЗ, 1938, № 4; он же. О крепостном состоянии крестьянства и характере крестьянских повинностей в Юго-Западной Германии в XV и начале XVI в.—ИЗ, 1946, № 19; он же. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией.

М., 1952, с. 46—105; он же. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962, с. 23—24.

²¹ Смирин М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1947, изд. 2-е. М., 1955.

²² Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.

²³ Смирин М. М. К истории раннего капитализма..., Гл. I—IV; Некрасов Ю. К. Очерк из экономической истории Германии конца XV—начала XVI вв.—УЗ ЛГПИ, т. 449, Вологда, 1969, Гл. IV, с. 167—188; он же. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в.—В кн.: Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975; Савина Н. В. Южно-немецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982, Гл. 111, с. 138—201; Фараджева С. А. Политика саксонских курфюрстов в горном деле (вторая половина XVI—начала XVII вв.).—В кн.: Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972; она же. Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в.—В кн.: Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979.

²⁴ Немилев А. Н. К вопросу о формировании раннекапиталистического производства в Нюрнберге.—СГ, 1974, вып. 2.

²⁵ Ястребицкая А. Л. О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV—XVI вв.—Вестник МГУ, ист.-фил. сер., 1958, № 3; она же. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV—середины XVI вв.—СВ, 1963, вып. 24.

²⁶ Некрасов Ю. К. Возникновение и развитие системы раздачи текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XIV—XVI вв.—В кн.: Генезис капитализма в Англии и Германии...; он же. Цеховое ремесло и ранний капитализм.—СГ, 1981, вып. 6.

²⁷ Эпштейн А. Д. История Германии...; Смирин М. М. К истории раннего капитализма..., с. 131—145, 156—213; Савина Н. В. Указ. соч.; Некрасов Ю. К. Очерк из экономической истории...

²⁸ Майер В. Е. Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XIV—XVI вв.—В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; он же. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV—XVII вв.—СВ, 1971, вып. 34; он же. Деревня и город Германии в XIV—XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979; Ермолаев В. А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства в XV веке.—СГ, 1968 (вып. 1); Гришина О. А. К вопросу о характере земельной ренты в областях Среднего Рейна в конце XIV—начале XVI веков.—В кн.: История. (Сб. ст. аспирантов и соискателей). Алма-Ата, 1967, вып. 2; она же. О формах земельных держаний и правах владения крестьян рейнской деревни XIV—XVI вв.—Вестник МГУ, 1967, сер. истор., № 3.

²⁹ Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978; Немилев А. Н. Грюневальд. М., 1972;

он же. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979; Володарский В. М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена.— СВ, 1963, вып. 24; он же. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена.— СВ, 1964, вып. 26.

³⁰ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера...; он же. К истории раннего капитализма..., Гл. V; Майер В. Е. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии.— СВ, 1961, вып. XX; он же. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте.— В кн.: Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981; Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г.— СВ, 1954, вып. V; он же. Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966; Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май—сентябрь 1524 г.).— ЕГИ, 1976. М., 1977; он же. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — лето 1525 гг.).— СГ, 1978, вып. 5; 1981, вып. 6; Павленко В. Г. О происхождении и сущности «Хейльбронской программы».— УЗ КПГИ, 1968, вып. 16; Первухин В. В. Реформационное движение в Любеке в 1529—1530 вв.— СВ, 1977, вып. 41; Фади́на М. Ф. Мюльгаузенское движение 1523—1525 гг.— УЗ МарГПИ, ист.-фил. фак., 1958, т. XVII; она же. Классовая борьба в Северной Тюрингии во время Крестьянской войны.— В кн.: Казахский университет им. С. М. Кирова. Уч. труды кафедр всеобщей истории, государств. и междунар. права. Алма-Ата, 1964; Голубкин Ю. А. Эволюция представлений Лютера о светской власти и ее роли в Реформации.— ЕГИ, 1978. М., 1979.

³¹ Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland in ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1961. О дискуссии в Вернигероде см.: Каплюк З. В. Марксистская историография ГДР о раннебуржуазной революции в Германии.— В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964, вып. 2.

³² Наиболее значительными работами ученых ГДР по истории раннебуржуазной революции в Германии являются следующие: Meusel A. Thomas Müntzer und seine Zeit. B., 1952; Zschäbitz G. Zur Mitteldeutschen Wiedertauferbewegung nach dem Crossen Bauernkrieg. B., 1958; idem. Martin Luther. Grosse und Grenze, T. 1, B., 1967; Bensing M. Thomas Müntzer und der Thüringer Aufstand. 1525. B., 1966; Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526, 2. Aufl. B., 1970; 450 Jahre Reformation. B., 1967; Deutsche Geschichte, Bd. 1: Von den Anfängen bis 1789. B., 1965; Mittenzwei I. Der Joachimsthaler Aufstand 1525, seine Ursachen und Folgen. B., 1968; Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. B., 1971; Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. B., 1974; Steinmetz M., Czok K. Leipziger Land im Bauernkrieg. Leipzig, 1975; Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk. Der deutsche Bauernkrieg. B., 1975; Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. Geschichte — Tradition — Lehren. B., 1977.

Некоторые из работ историков ГДР были переведены на русский язык: Кёдиц Х. К истории народных движений в Мюльгаузене (Тюрингия) в 1523—1575 гг.— СВ, 1962, вып. 21—22; Бензинг М. Поражение Тюрингского восстания при Франкенхаузене (15 мая

1525 г.). Его предпосылки и причины.— СВ, 1965, вып. 28; Штерн Л. Идеологическая и политическая роль Реформации в прошлом и настоящем.— ЕГИ, 1968. М., 1969; Штейнмец М. Наследие Томаса Мюнцера.— ЕГИ, 1970. М., 1971.

³³ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, 10. Aufl. Darmstadt, 1975; Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit (1300—1525). München, 1964; Angermeier H. Die Vorstellung des gemeinen Mannes von Staat und Reich im deutschen Bauernkrieg.— VSWG, 1966, Bd. 53; Fuchs W. P. Das Zeitalter der Reformation.— In: Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte, Bd. 8. München, 1973; Gerlach H. Ein Vergleich zwischen den Endlichen Bauernaufstand 1381 und dem Deutschen Bauernkrieg, Heidelberg, 1968.

³⁴ О Г. Франце см.: Сказкин С. Д. Фальсификация Крестьянской войны 1525 г. в фашистской «историографии».— В кн.: Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939, с. 187—201; Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера..., с. 44—50, 108; Немилев А. Н. Великая крестьянская война 1525 г. в советской историографии.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 74 и прим. 18.

³⁵ Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung. Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeinen Pöwerschaft. (West-) B., 1969; Sabeau D. Y. Landschaft und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges. Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben vor 1525. Stuttgart, 1972; Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.

³⁶ См. тексты докладов как этих историков, так и Х. Буццелло, Д. У. Сейбина и П. Бликле на Международном симпозиуме в Меммингене (март 1975 г.), посвященном 450-летию юбилею Крестьянской войны (Revolte und Revolution in Europa. Referate und Protokolle des Internationalen Symposium zur Erinnerung an den Bauernkrieg. HZ, Beiheft 4 (NF), 1975).

³⁷ Steinmetz M. Reformation und Bauernkrieg.— In: Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung. Handbuch. Köln, 1970.

³⁸ Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, с. 336.

³⁹ Монографическое исследование Хейльбронской программы, которое в настоящее время находится в издательстве Саратовского университета, посвятил В. А. Ермолаев, именно так рассматривающий происхождение этого очень важного документа Крестьянской войны в Германии.

⁴⁰ Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges. Hrsg. G. Franz. München, 1963, S. 282—290.

⁴¹ Ibid., S. 315.

⁴² См.: Vogt W. Johann Schilling der Barfüßer Mönch und der Aufstand im 1524.— ZHV, 1879, Bd. 1, S. 19.

⁴³ См. об этом: Некрасов Ю. К. Города и крестьяне Южной Германии..., вып. 6, с. 84—85.

⁴⁴ Flugschriften des Bauernkriegszeit. B., 1978.

⁴⁵ An die Versammlung Gemeiner Bauernschaft. Eine gevolutionäre Flugschrift aus dem deutschen Bauernkrieg (1525). Leipzig, 1975.

⁴⁶ Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben. Freiburg im Breisgau, 1877.

⁴⁷ Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz, Bd. 1: Zürich. Zürich, 1952.

⁴⁸ О немецких хрониках XVI в. см.: Вайнштейн О. Л. Западно-европейская средневековая историография. М.-Л., 1964, с. 332—340, 343—354.

⁴⁹ Franck, Sebastian. Chronica, Zeytbuch und Geschichtsbibel von anbegun bis gegenwertig M. D. XXXI. jar. Straßburg, 1531,

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Некрасов Ю. К. Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии.—СВ, 1977, вып. 41; он же. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.).—Вестник МГУ, истор. сер., 1977, № 4; он же. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в.—ЕГИ, 1977. М., 1978.

⁵¹ Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmann Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524—1527.—ZHV, 1879/83, Bd. 7—10.

⁵² Хрестоматия по истории средних веков в трех томах. Под ред. С. Д. Сказкина, т. 11: X—XV века. М., 1963, с. 444—459, 472—482; Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средней школы. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950, с. 84—137; Практикум по истории средних веков для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов. Сост. М. Л. Абрамсон, С. А. Сливко, М. М. Фрейденберг. М., 1967, с. 122, 125, 128, 129, 132, 199—224; изд. 2-е, М., 1971, с. 147—148, 152—158, 160—162, 241—273.

⁵³ Источники по истории Реформации. Пер. Д. И. Егорова. М., 1906, 1907, вып. 1—2.

⁵⁴ Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. Под ред. В. П. Волгина. М.—Л., 1929, с. 54—73, 98—119, 122—162.

⁵⁵ Немецкий город XIV—XV вв. Сб. документов и материалов. Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936.

⁵⁶ Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв.—В кн.: Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972, с. 254—281.

⁵⁷ Крестьянские движения в Германии перед Реформацией. Сб. документов. Сост. В. А. Ермолаев. Саратов, 1961.

⁵⁸ Крестьянская война 1525 года во Франконии. Сб. документов. Сост. В. А. Ермолаев. Саратов, 1968, 1969, вып. 1—2.

⁵⁹ Трактаты о вечном мире. М., 1963; Ульрих фон Гуттен. Диалоги. Публицистика. Письма. М., 1959.

⁶⁰ Георгий Агрикола. О горном деле и металлургии, в двенадцати книгах. М., 1962.

⁶¹ Дюрер А. Дневники, письма, трактаты. М., 1957, т. 1—2.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, с. 24 сл.

² Blickle P. Die Revolution 1525, S. 39—40.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 356.

⁴ Hoyer S. Wirtschaftliche und soziale Ursachen des deutschen Bauernkrieges. Das Beispiel Thüringen.—ZfG, 1981, H. 12, S. 1106—1107, 1111—1112.

⁵ Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне, с. 116.

⁶ Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV—XVI вв., с. 63.

⁷ Hoyer S. Op. cit., S. 1108—1109.

⁸ См.: Майер В. Е. Указ. соч., с. 112—129.

⁹ Hoyer H. Op. cit., S. 1116—1117. См. также: Майер В. Е. Роль ростовщического капитала в немецкой деревне, с. 62 сл.

¹⁰ Майер В. Е. Деревня и город Германии, с. 50—51, 60.

¹¹ Harnisch H. Bauern—Feudaladel—Städtebürgertum. Untersuchungen über die Zusammenhang zwischen Feudalante, bäuerliche Warenproduktion und den Ware-Geld-Beziehungen in der Magdeburger Börde und dem nordöstlichen Harzvorland von den frühbürgerlichen Revolution bis zum Dreißigjährigen Krieg. Weimar, 1980, S. 192—193, 200—201.

¹² Майер В. Е. Деревня и город Германии, с. 69—70, 92, 98, 129.

¹³ Bensing M. Thomas Müntzer und der Thüringer Aufstand, S. 29—30.

¹⁴ Blickle P. Op. cit., S. 51—52.

¹⁵ Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1979, с. 74.

¹⁶ Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Von den Vorzeit bis zum Ende des Mittelalters, 2. Aufl. München, 1951, S. 255—256.

¹⁷ Deutsche Geschichte, Bd. 1, S. 351.

¹⁸ Blaschke K. Zur Statistik der sächsischen Städte im 16. Jahrhundert.—In: Vom Mittelalter zum Neuzeit. B., 1956, S. 142—143, 110—111.

¹⁹ Hoyer S. Op. cit., S. 1110—1111.

²⁰ Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 114, 116.

²¹ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации, с. 14—19; он же. К истории раннего капитализма в германских землях. Гл. I—IV.

²² См.: Некрасов Ю. К. Очерк из экономической истории Германии, с. 146—151.

²³ Фараджева С. А. Политика саксонских курфюрстов в горном деле; с. 164 сл.; она же. К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в.—СВ, 1977, вып. 41, с. 187 сл.

²⁴ Некрасов Ю. К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель, с. 179 сл.

²⁵ Strieder J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften in Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, 2. Aufl. München; Leipzig, 1925, Anhang, S. 375; 378.

²⁶ Dietrich R. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel.—JbGMO, 1958, Bd. VII, S. 168.

²⁷ Hoyer S. Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges und zu Problem seines Verlaufs,—ZfG, 1976, H. 6, S. 663; Laube A. Bemerkungen zum Zusammenhang von Frühkapitalismus und frühbürgerlichen Revolution.—In: Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. Geschichte—Tradition—Lehren. B., 1977, S. 57—58.

²⁸ Немиллов А. Н. К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге, с. 184—187, 190—191; Aubin H. Formen und Verbreitung des Verlagswesens in der Altnürnderger Wirtschaft.— BWGN, 1967, Bd. 1, S. 620—665.

²⁹ Немиллов А. Н. Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии раннего немецкого гуманизма.— УЗ ЛГУ, сер. истор. наук, 1958, вып. 28, с. 102; Ястребицкая А. Л. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании, с. 199, 206, 210, 214—215; Illustrierte Geschichte, S. 24.

³⁰ Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands vom Beginn des 16. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. München, 1952, S. 259,

³¹ Gothein E. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und angrenzenden Landschaften, Bd. 1. Straßburg. 1892, S. 524.

³² Некрасов Ю. К. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности, с. 41—51.

³³ Mottek H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss Bd. 1; Von den Anfängen bis zur Zeit Französischen Revolution, 4. Aufl. B., 1964, S. 211—212.

³⁴ Furger F. Zum Verlagssystem als Organisationsformen des Frühkapitalismus. Stuttgart, 1927; Illustrierte Geschichte, S. 24.

³⁵ Stromer W., von. Die Gründung der Baumwollindustrie in Mitteleuropa. Wirtschaftspolitik im Spätmittelalter. Stuttgart, 1978, S. 70—77, 97, 88—89.

³⁶ Stetten, Paul-jungere, von. Kunst-, Gewerbe- und Handwerkgeschichte der Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1789, Bd. 1, S. 210.

³⁷ Kunze A. Der Frühkapitalismus in Chemnitz. Karl-Marx-Stadt, 1958, S. 51.

³⁸ Хрестоматия по истории средних веков, т. 2, с. 472—482; Практикум по истории средних веков, 1967, с. 125—128; 1971, с. 152—156.

³⁹ Bog I. Wachstumsprobleme der oberdeutschen Wirtschaft 1540—1618.—In: Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.—16. und, 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1968, S. 53—54,

⁴⁰ Heita G. Ländliche Leinenproduktion in Sachsen (1471—1555). B., 1961, S. 62, 64.

⁴¹ Майер В. Е. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой, с. 149; он же. Деревня и город в Германии, с. 95, 97.

⁴² Hoyer S. Wirtschaftliche und soziale Ursachen des deutschen Bauernkrieges, S. 1114, 1120.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 356.

⁴⁴ О деятельности крупных южнонемецких торгово-ростовщических и промышленных компаний см.: Эпштейн А. Д. История Германии; Смирин М. М. К истории раннего капитализма (особенно глава третья, с. 140); Савина Н. В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях. (особенно гл. 2—4); Норден А. Некоронованные властители. М., 1978; Некрасов Ю. К. Очерк из экономической истории, гл. 3 и 4.

⁴⁵ Laube A. Die Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie und deren Rolle in der deutschen frühbürgerlichen Revolution.— JbGF, 1977, Bd. 1, S. 280—281.

⁴⁶ Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: призрачность и действительность. М., 1977.

⁴⁷ Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1977, с. 91—97, 164—208, 330—339; он же. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, с. 57—167, 330—371, 405—427.

⁴⁸ Колесницкий Н. Ф. Феодалное государство (VI—XV вв.). М., 1967, с. 246—255; Blickle P. Landschaften und Alten Reich, Die staatliche Funktion des gemeinen Mannes in Oberdeutschland. München, 1973, S. 47.

⁴⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 348—358.

⁵⁰ Хрестоматия по истории средних веков, т. 3, с. 88—91.

⁵¹ Harnisch H. Op. cit., S. 141—145.

⁵² Heitz G. Op. cit., S. 44—45, 48.

⁵³ Blickle P. Die Revolution 1525, S. 111.

⁵⁴ Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 116—117.

⁵⁵ Illustrierte Geschichte. S. 62.

⁵⁶ Endres R. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten.—In: Revolte und Revolution in Europa, S. 155—156

⁵⁷ Illustrierte Geschichte, S. 62.

⁵⁸ Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Weimar in erster Drittel des 16. Jahrhundert. Weimar, 1959, S. 44.

⁵⁹ См. об этом: Некрасов Ю. К. Возникновение и развитие системы раздач, с. 49—53; он же. Цеховое ремесло и ранний капитализм.—СГ, 1981, вып. 6, с. 152—156.

⁶⁰ Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв.—В кн.: Проблемы германской истории, вып. 1. Вологда, 1971, с. 89 сл., 155—156.

⁶¹ Laube A. Die Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie, S. 286—287.

⁶² Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen im Vorindustriellen Europa. Versuch ein Synoptis. Hamburg u. (West-) Berlin, 1974, S. 95—96; Anhang I, S. 400—404.

⁶³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314.

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

⁶⁵ Töpfer V. Das kommende Reich des Friedens. Zur Entwicklung chiliastischer Zukunftshoffnungen im Hochmittelalter. В., 1964, S. 262—263, 327, 329—330.

⁶⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 354.

⁶⁷ О немецком мистицизме XIV в. см.: Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера, с. 171—229.

⁶⁸ Немилов А. Н. Немецкие гуманисты XV века...

⁶⁹ Смирин М. М. Германия в первые десятилетия XVI в. и Ульрих фон Гуттен.— В кн.: Ульрих фон Гуттен. Диалоги, публикация, письма. М., 1959; Володарский В. М. Эрфуртские гуманисты и Реформация.— В кн.: Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. См. также прим. 29 к Главе первой.

⁷⁰ Смирин М. М. Эразм Роттердамский...

⁷¹ Немилов А. Н. Виллибальд Пирхгеймер и его место среди немецких гуманистов начала XVI века.—СВ, 1965, вып. 28.